

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Стаж для
ВЕДЬМЫ

Эльвира Осетина

Эльвира Осетина

Стая для ведьмы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69240412

SelfPub; 2023

Аннотация

Жизнь Тони, обычной студентки, меняется в одночасье после несчастного случая. Мир вокруг, будто с ума сходит. Ей начинают сниться странные сны, в которых она видит реальные события и судьбы людей. А мужчины во круг неё ведут себя, совершенно неадекватно, проявляя по отношению к ней слишком много эмоций. Будто она не серая мышка, коей себя всегда считала, а какая-нибудь роковая красотка. Мало того, что ей прохода не дают, так еще и друг друга норовят покалечить. Что же, придется брать себя в руки, быстро взрослеть и принимать серьезные, а порой и отважные решения. Иначе, можно потерять не только себя, но и всех близких. В тексте вас ждет: Оборотни, ведьма, сводные, постельные сцены, городское фэнтези, насилие и жестокость

Содержание

Стая для ведьмы	4
1 глава	5
2 глава	14
3 глава	28
4 глава	44
5 глава	60
6 глава	74
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Эльвира Осетина

Стая для ведьмы

Стая для ведьмы

Аннотация:

Жизнь Тони, обычной студентки, меняется в одночасье после несчастного случая. Мир вокруг будто с ума сходит. Ей начинают сниться странные сны, в которых она видит реальные события и судьбы людей. А мужчины вокруг неё ведут себя совершенно неадекватно, проявляя по отношению к ней слишком много эмоций. Будто она не серая мышка, коей себя всегда считала, а какая-нибудь роковая красотка. Мало того, что ей прохода не дают, так еще и друг друга норовят покалечить. Что же, придется брать себя в руки, быстро взрослеть и принимать серьезные, а порой и отважные решения. Иначе можно потерять не только себя, но и всех близких.

1 глава

День стоял теплый, хоть и был октябрь месяц, и ничто не предвещало беды. Кажется, так начинаются все страшные сказки.

И мы всем курсом поехали на электричке в этот самый лагерь с незамысловатым названием "Ракета" близ поселка Лязгино, что находится в ста километрах от нашего города.

На курсе я успела познакомиться с одной девушкой по имени Юля, которая поехала со своим парнем, который был старше нас. Я решила, что буду как можно ближе держаться к этой парочке. В любом случае они производили впечатление не глупых подростков, а вполне разумных, уже состоявшихся людей, так как парень даже работал.

Я тоже иногда помогала маме в магазине и прекрасно понимала, что это значит – работать, поэтому, когда Юля сказала, что ее друг уже трудится, я невольно зауважала его.

Приехав в лагерь, мы сразу же принялись за приготовление ужина. Парней отправили жарить шашлыки, девчонки готовили салатики. Нас было человек тридцать. Староста группы Маша пыталась командовать, и мы как стадо баранов слушали ее. Кто-то же должен, в конце концов, управлять будущими директорами!

В итоге все было готово, и мы, включив музыку и устроив на улице я-ля "шведский стол", начали праздновать. Что

именно мы праздновали – неважно! В конце концов праздник перешел в обыкновенную попойку, а парочки начали расходиться по кустам. Мой затуманенный алкоголем мозг повел меня к более-менее привлекательному, на мой взгляд, "умному мальчику", который обжимал двух наших "королев". Мне хотелось просто насмотреться на мечту своих гормонов и попытаться хоть как-то привлечь к себе внимание. К тому же возле этого привлекательного однокурсника находились его верные "шестерки", которые, видимо, тоже надеялись в его сиянии получить хоть толику его обаяния и интереса однокурсниц. В принципе, можно было и с ними познакомиться.

Меня тут же обнял со спины один из таких "шестерок". Мой даже затуманенный алкоголем организм воспротивился. Эти объятия показались мне неприятными, да еще и неумелыми и слишком наглыми. Я оттолкнула наглеца и решила ретироваться под хохот остальных "шестерок". Мне привиделось, что это смеются не люди, а гиены из моего любимого мультика "Король Лев".

Поморщившись, я решила найти Юлю с ее другом и либо пойти спать, тем более что место для ночевки мы уже выбрали, либо вообще отсюда уехать к чертовой бабушке. Затея познакомиться с однокурсниками поближе показалась мне уже не такой интересной.

Своих якобы "друзей" я не нашла. Девочки сказали, что, оказывается, они уже давно уехали на последней электричке.

Этой новостью я была оглушена. Если честно, то могли бы и сказать хотя бы или спросить, не желаю ли я поехать вместе с ними. Но они даже словом не обмолвились.

Хмель из головы стал улетучиваться, и мне нестерпимо захотелось выпить воды. Когда я пошла туда, где мы готовили салаты и куда девчонки унесли оставшуюся еду и выпивку, то обнаружила там весьма странный контингент.

На кухне сидели незнакомые молодые люди. Кроме того, по внешнему виду они были намного нас старше, а наши "королевы" уже лобызались с ними, побросав своих "хороших мальчиков". Я спросила, нет ли у них воды, и мне предложили выпить сока. Недолго думая, я хлебнула их "сок" и задохнулась. Кажется, это был чистый спирт с "YUPI".

Я побежала на улицу и вновь услышала хохот гиен, около дома же меня прополоскало от души. Так пошутили "новенькие".

После "удачной" шутки над моей несчастной тушкой я решила идти спать. Воду я так и не нашла, но почему-то желания вновь оказаться в столовой никакого не было. К сожалению, и здесь меня обломали. Заходя в комнату, я обратила внимание, что на входной двери нет замка. А помещение находилось в одном корпусе со столовой, набитой злыми незнакомыми "шутниками". Но спать хотелось слишком сильно, поэтому я решила не придавать этому значения. А зря...

В итоге проснулась оттого, что кто-то меня трогал и пы-

тался стянуть джинсы. Естественно, я воспротивилась и начала сперва вяло, а потом уже всерьёз отбиваться.

Этот гиббон очень больно ударил меня в живот и уже быстрее начал стягивать с меня одежду. В тот момент я была рада, что легла полностью одетая, даже куртку не сняла, так как в комнате было холодно. Пока он пытался стянуть с меня джинсы, я увидела на столе довольно большой тесак. Его я положила сразу же, когда мы приехали и когда я только заняла свое место.

"На всякий случай", – прошептала я себе тогда и хихикнула.

"Вот он и настал – тот самый случай", – угрюмо подумала я сейчас.

Конечно же, я бы не смогла поднять руку на человека, и уж тем более его порезать. Но в тот момент это была единственная моя защита. Я со всей силы оттолкнула ублюдка, который не ожидал от меня такой прыти, и, спрыгнув с кровати, положила ладонь на рукоятку тесака. И в этот момент возле двери послышались голоса. Мой несостоявшийся насильник тут же замер и притаился. В темноте я не могла разглядеть его лицо и видела лишь очертания силуэта.

Мне эти голоса совсем не понравились, они были незнакомыми. Все же слух у меня всегда был отличный, и за два месяца я выучила голоса всех своих однокурсников, даже их тембры. Там звучали и женские голоса, но опять-таки незнакомые. В голове тут же возникли сцены, одна страшней дру-

гой, ведь и девушки иногда участвовали в изнасилованиях наравне с мужчинами.

Я взяла нож в руку и поняла, что, если сейчас они зайдут сюда, я буду отбиваться до последнего, потому что эти существа, когда пьяные, совершенно не понимают, что иногда стоит и остановиться.

Кажется, мой насильник испугался голосов, а еще он заметил в моей руке нож. Хотя в последнем я не уверена: было слишком темно, а нож я прижала к ноге.

– Эй, слушай, ты извини, я просто ошибся, я уйду, – шепотом сказал он мне.

– Уходи, – мой голос дрожал, и я еле сдерживала слезы страха.

Этот ублюдок сразу же вышел, закрыв дверь. Он поздоровался с остальными и громко начал обсуждать, купили ли те спиртное или нет. В итоге поднялся смех, который удалялся от моей комнаты. Я поняла, что этот голос запомню на всю жизнь!

"Нужно срочно бежать", – появилась первая здравая мысль. Кто знает, вдруг они передумают и вернуться?

Меня гнал дикий страх. Поэтому я, взяв на всякий случай нож, пошла к выходу из корпуса, благо кухня была закрыта и меня никто не услышал и не заметил. Стая гиен ржала на кухне и, видимо, скакала по ней друг на друге, так как грохот оттуда слышался очень громкий.

После этого я поняла, что должна как можно быстрее по-

кинуть этот лагерь. Единственное место, куда я могла пойти, – это вокзал. Первая электричка – в шесть утра, а часы на руке показывали четыре. У меня возникла идея поговорить с другими сокурсницами, вдруг они меня поддержат и мы вместе пойдем на электричку.

Несколько девочек, которых я разбудила в соседнем корпусе, решили составить мне компанию. Оказывается, их тоже напугали незнакомцы. Нас набралось пять человек вместе со мной, и мы пошли на вокзал.

Наш путь лежал через лес. На небе, как назло, появились тучи, поэтому темень стояла абсолютная. Но одна из девочек, Люба, вытащила небольшой фонарик с ключами, и мы пошли по тропинке, следуя за ней. Видимо, тусклый свет нас запутал, и мы умудрились заплутать в трех соснах. До вокзала было ходу не больше пятнадцати минут неспешным шагом, а мы шли уже сорок, и впереди был сплошной лес.

– Кажется, мы заблудились, – пискнула Даша – маленькая, худая, с очень бледной кожей блондинка.

После этих слов всех охватила паника. Все же мы были еще глупыми подростками, хоть и окончили школу. Мое мнение было такое: "Остаться на месте, пока не станет светлее", остальные же были против. И я не успела сообразить, как они разбежались в разные стороны, а я осталась стоять совершенно одна в темном холодном лесу. Покричала девочек, но никто не откликнулся. Помялась на одном месте минут пятнадцать и поняла, что все же небо начало светлеть,

более того, услышала звук подъезжающего поезда.

"Это может быть электричка!" – подумала я, хотя на время даже не посмотрела, и побежала на звук по виднеющейся тропе.

Поезд был совсем близко, и я перестала смотреть под ноги. Это и было моей ошибкой. Пробежав еще пару метров, я запнулась и рухнула в овраг. Видимо, мой организм совершенно не ожидал такого подвоха, поэтому даже не успел автоматически сгруппироваться. В итоге я рухнула прямо на спину и ударилась головой. Свет тут же померк, и я отключилась.

Очнулась я оттого, что яркое солнце светило в лицо. Жутко хотелось есть, пить и в туалет одновременно. А еще в голове словно стадо слонов топало. Со стоном я приподнялась и чуть опять не упала: голова вновь взорвалась жуткой болью, а перед глазами замелькали черные точки. Тронув место ушиба и посмотрев на пальцы, я увидела кровь. Автоматически рукой пошарила то место, о которое ударилась. Это был камень, который помещался у меня в руке. Я вначале решила, что это кусок угля, но, сдавив его, поняла, что обыкновенный булыжник. Потом хмыкнула и уже хотела со злости его запустить в дерево, как виски пронзила жуткая боль. И я непроизвольно сжала камень в кулаке. Когда боль прошла, я, медленно покряхтывая, встала и осмотрелась. Упала я в небольшой овраг, и он был усеян мягкой сухой подстилкой из листьев. А я со своим везением умудрилась напороться

на один-единственный камушек.

Отряхнувшись и поправив свою одежду, хотела уже запустить его, как услышала звук приближающегося поезда и, забыв о виновнике головной боли, ринулась на его звук. "Чем быстрее я появлюсь дома, тем быстрее смогу привести себя в порядок", – только и билась мысль в голове.

Уже в электричке я опять разглядывала черный камень, который так и не выбросила. В итоге просто убрала его в карман.

– Пусть будет моим талисманом неудачи, – прошептала я с горькой улыбкой на губах. Себя, бедную, было жаль неимоверно, но я гордо сдерживала слезы. Вот приеду домой и нареву как следует!

До дома я добралась в четыре часа дня. Папа, выслушав мою историю, сказал лишь пару слов:

– Не расстраивайся, доченька. Плохой опыт – тоже опыт. – И ушел куда-то.

У меня было такое чувство, что он мне в душу плюнул. Я сразу же разревелась, как маленькая девочка.

Вечером пришла мама с работы, и я рассказала ей страшную историю, как меня чуть не изнасиловали, а потом я, убегая ночью по лесу, потерялась, да еще и ударилась головой. При этом я всхлипывала и тряслась, а голос дрожал и не слушался меня, словно мне четыре годика и я коленки разбила.

Мама была намного мягче, она обняла меня, и мы долго сидели с ней в обнимку на диване, пока я не успокоилась.

Она предложила обратиться в полицию, но я была не уверена: что бы я им показала? Мои синяки оттого, что упала? Да и того ублюдка, который только пытался, но ничего не сделал, я даже не видела толком, лишь его силуэт, ну и голос. Не думаю, что этого было бы достаточно.

В итоге мы с мамой решили набрать старшему брату и рассказать обо всем. Но дозвониться до него так и не смогли. Мама смерила мне голову старым бабушкиным методом, с помощью веревочек и фломастера, оказалось небольшое сотрясение. Она поправила мне голову, туго перевязав. А ранку в месте удара осторожно обработала.

Засыпала я уже в более нормальном настроении. Об отце и не думала.

2 глава

Лешка

Я вошел в квартиру. Там, как всегда, стоял смрад. Чертыхнувшись, я уже хотел прошмыгнуть в свою комнату незамеченным, но не успел.

– Лешка!

Из кухни вышла мать. Она опять была пьяна, в грязном замызганном халате, волосы в ужасном состоянии, засаленные. Взгляд затуманенный, почти сонный.

– Ты хде был, сученьш? Я за тя, ик... волнова... волоновавалоа...

Она держалась за стену и пыталась что-то сказать, но у нее ничего не получалось. Я бы посмеялся, если бы не было так противно и жалко ее одновременно.

Стараясь не смотреть на пьяную женщину, молча разделся и прошел в комнату.

– Ты на мать совсем внимания не обращаешь! Я верой и правдой тебя восемнадцать лет воспитывала!

– Начинается, – закатил я глаза.

– Да как... да как ты... ик, как ты смеешь так с матерью разговаривать!

Захлопнул дверь в своей комнате и закрылся на защелку. В последнее время она стала невыносимой.

Мать, видимо, попыталась подойти к моей комнате, но, не

рассчитав своих сил, упала прямо в коридоре и запричитала:

– Я тебя кормила, поила, ночей не спала, жопу твою грязную мыла, болячки зеленкой мазала, а ты! Неблагодарный! Надо было тебя в роддоме оставить!

Она всхлипнула и завывала, очень громко. Но так как не услышала моей реакции, решила за другую историю взяться.

– Я им верой и правдой двадцать лет... двадцать лет... а они... А он! – Она всхлипнула. – Как он мог, а... как?

Я не выдержал и выбежал из комнаты: видимо, нервы все же берут свое.

– Может, хватит уже себя жалеть? Может, дальше уже жить начнешь? Об тебя ноги вытерли, и, видимо, не зря, – я уже не сдерживал себя, – ты же, как тряпка половая, сейчас на полу валяешься, а выглядишь как... на тебя же смотреть противно!

Мать действительно валялась в коридоре и плакала навзрыд. От нее воняло спиртным и сигаретами. Было противно на нее смотреть, но в то же время ее жаль. Но ведь и правда, сколько можно? Она что, решила себя в гроб вогнуть?

– Я сейчас скорую вызову, и тебя увезут в больницу, ты этого хочешь? Так нет проблем! Мало того, что в таком виде находишься, пусть на тебя другие люди посмотрят! Если позориться, так позориться по полной программе!

– Ты меня ненавидишь, сынок? – сразу же сбавила она тон.

– О, кажется, подействовало!

Я был зол не на шутку: мало того, что она меня все время

обвиняла во всех смертных грехах, так теперь еще и на жалость давит! Достала!

Я ушел в свою комнату, закрылся на замок, надел наушники и включил как можно громче музыку. Есть хотелось ужасно, но уж лучше потерпеть ноющую боль в желудке и поесть завтра у отца, чем терпеть ее очередные закидоны.

От нечего делать полазил по сети, поболтал с одноклассниками, спросил у Ленки, даст ли списать. Та, как всегда, немного поломалась, но в итоге я бросил пару фраз о ее шикарной кофточке на фотографии, и она растаяла. Этим простым премудростям жизни я научился у бывшего материнского любовника. Стоило тому сказать какую-нибудь глупость по поводу маминой одежды, как та сразу же таяла и готова была лужей растечься в его ногах. Вот он ноги об нее и вытирал.

Блядь! Блядь! Ебать!

Захотелось со злости что-нибудь раздолбать, разбить, расхлестать, а еще лучше кого-нибудь избить или совсем, на хуй, убить! Но оставалось только сжимать кулаки. Может, действительно убить этого ублюдка? А что? Это идея! Возьму пацанов, подкараулю подонка – и всажу ему шило в бок. За эту дуру, мамку мою!

Идея, в общем, неплохая... только нужно как следует продумать ее. Проследить за ним, каким маршрутом он передвигается. Нет, пацанов приплетать не буду. Чем больше свидетелей, тем хуже. Я этого гада сам порешу. Но нужно все тщательно спланировать.

Решено! Буду следить, проверю его передвижения.

Начну с завтрашнего дня. После обеда в офис к нему поеду и посмотрю, до которого часа он вечером работает, потом до дома. Но это уже на следующий день сделаю, все равно завтра на маршрутке не успею. Нужно еще и денег с кого-нибудь стянуть, а то у мамки все равно просить бесполезно. Жрать и то нечего, особенно в последнее время, и за квартиру, наверное, она не платит. Я потер урчавший живот. Хватит об этом думать.

Посмотрел порнушку, скачанную с "булок", выкончался несколько раз и пошел грабить холодильник. Осторожно выглянул за дверь и прислушался. Из комнаты матери слышались всхлипы. На душе опять кошки заскребли, но, сжав зубы от злости, я продолжал двигаться в сторону холодильника. Там в последнее времямышь вешалась, но сегодня мать все же постаралась что-то приготовить. Открыл форточку на кухне, убрал со стола пепельницу и рюмку, помыл посуду, вылил водку в раковину. Сам себе усмехнулся. Еще несколько месяцев назад зубы бы выбил тому уебку, который бы мне сказал, что я захочу навести чистоту. Нервно усмехнулся. Старею, что ли?

И какого хрена еще продолжаю учиться? Может, работу поискать... так нет же, батя будет ныть. Хочет, чтобы я попробовал ЕГЭ сдать и поступить в университет. А без одиннадцатого класса не получится.

Ладно, надо будет к нему сходить и бабла попросить, раз

хочет, чтобы я доучился нормально.

Поел суп, принял душ и пошел спать. Заснул, на удивление, мгновенно.

Тоня

Я вынырнула из сна, словно из ледяной воды. Долгое время моргала и пыталась понять: что сейчас было? Где я вообще очнулся, или очнулась, и вообще: кто я такой или такая? Я – восемнадцатилетний Алексей Геннадьевич Лобанов? В ступоре долго смотрела в потолок.

– Доча, я на работу ушла! Вставай, а то в институт опоздаешь! – вырвал меня мамин голос из оцепенения. – Тонечка! Дверь иди закрой!

– Тонечка, – прошептала я сама себе, – Тонечка, – уже вслух опять сказала я, наверное, чтобы услышать свой собственный голос.

– Антонина Юрьевна! Юная леди, вы меня вообще слышите? – как всегда, менторским тоном начала иронизировать мама.

Я на автомате вскочила с кровати, пробежалась до двери и поцеловала маму в щеку.

– Ты как, доченька? – Мама взволнованно смотрела мне в глаза.

Я улыбнулась.

– Все хорошо, мам, просто еще не проснулась.

– Ладно, я ушла, а ты давай в институт собирайся, а то опоздаешь.

Я закрыла дверь за мамой и пошла умываться. Сон никак не уходил из головы. Я четко до сих пор ощущала дым сигарет, запах алкоголя, рыдающую мать на полу. Смотрела порнушку через инет. Я даже на всякий случай заглянула себе в трусы, но нет, ничего нового там не увидела.

В институте девочки сразу обеспокоенно подбежали ко мне, расспрашивая, как я добралась домой.

Обижаться на них я не стала, они и так перепугались не на шутку. У Ольги вообще были красные глаза. Неужели плакала?

– Мы думали, ты вернёшься, а искать тебя страшно было.

– Правда, мы хотели, но там эти пацаны, они зачем-то нас искать пошли, или не нас?

– Это те, что незнакомые.

– Они начали на вокзале к нам приставать, предлагали довезти до дома на машине! – затараторили девочки, перебивая друг друга.

– Мы напугались и убежали, мы не хотели тебя бросать, Тонь, но их пятеро было! А на вокзале – пара бабушек, и всё. Вот мы и заскочили в электричку. Мы все на вокзале думали, что ты появишься, еще час там на выходе прождали тебя, но ты так и не приехала, – это уже Катька Сельчанина рассказывала с испуганным взглядом.

– Но нам и на вокзале долго не дали стоять, там таксисты доставать стали со всякими предложениями странными, – это была Даша. Она вообще на девятиклассницу была похо-

жа. Ростом метр пятьдесят, сама худющая, одни глаза огромные сверкают.

Я их сразу простила, понимаю, сама то же самое бы сделала, спасибо, что хоть на вокзале ждали.

Рассказала свою веселенькую историю, даже камень показала, что раскроил мне головушку. Девочки поохали. Долго камень в руках перебирали, рассматривали, ничего в нем интересного не нашли. Дальше мы пообсуждали нашу старосту, все на нее были очень злы.

– Это явно ее рук дело, она пригласила этих взрослых...

В итоге все позубоскалили и разошлись по своим местам. С Юлькой я садиться не стала, я на нее обиделась. Когда переходили в другой корпус, расспрашивала старосту, что за левые парни были. Та, сделав большие глаза, сказала, что понятия не имеет. Еще бы она призналась!

У меня вдруг появилось сильное желание врезать ей под дых и затем еще и ногой по лицу.

Я резко остановилась. Черт! Что это со мной? Да я в жизни никогда не дралась. Я даже понятия не имею, как именно и куда нужно бить... То есть не имела до сегодняшнего дня.... Я вдруг поняла, что знаю все, что знал мой Алексей из сна. Мысленно встряхнулась и пошла на занятия. Может, из-за удара схожу с ума?

Один из "шестерок" нашего "принца" зачем-то сел рядом со мной на практике. Списывать решил? Так ведь у нас все равно варианты разные... Я покосилась на него, но он сделал

умное лицо и начал прислушиваться к учительнице. Хмыкнув, решила не заморачиваться и тоже вслушалась в задания и объяснения. Все же практика лучше, чем теория. Откровенно говоря, на лекции я вообще ничего не понимала, сейчас хоть что-то понятно стало. Для интереса скосила глаза в тетрадку к соседу. На мое удивление, он усердно чего-то там решал. Ого! Парень-то, оказывается, что-то соображает!

Практика по информатике тоже порадовала. Все же хорошо, что практику и теорию преподают разные преподаватели. Во-первых, на теоретических лекциях по четыре группы за раз собирают, а здесь даже нашу группу на две разделили. На информатике изучали "макросы" и основы "Visual Basic". Разобралась вроде с легкостью, "шестерка" опять рядом сидел.

Когда вышла из университета, почувствовала, что кто-то хватает мою сумку. Я раскрыла рот и захлопала глазами. Понятия не имела, что делать, когда воруют сумку. Из глаз чуть слезы не полились, пока я не поняла, что это тот самый сосед, что сегодня весь день за мной ходил как тень.

– Ну что, ты идешь? – серьезным голосом спросил меня... парень. Ну надо же, как он быстро из "шестерки" в "парня" повысился, и это просто из-за того, что сумку мою схватил? В голове словно прозвучал презрительный голос Алексея: "Что, готова уже лужей растечься?"

– Меня, кстати, Егор зовут. Тебя вроде Тоня, да?
Я нахмурилась.

– Верни мне сумку.

– Я просто проводить тебя хочу, а в сумку ты, похоже, кирпичей наложила, вот я и решил помочь, но если хочешь тащить сама, то пожалуйста, мне не жалко!

Он протянул руку с сумкой.

Я выхватила ее и быстро пошла домой, бросив напоследок парню:

– Меня не нужно провожать, спасибо.

– Да ладно, чо ты кипятишься?

От слова "чо" даже зубы свело, кое-как сдержалась, чтобы не остановиться и не исправить его.

Я старалась идти быстрее, меня тревожило его внимание, даже сама не знаю, по какой причине. Было в нем что-то странное, а может, я просто предвзято отношусь к нему? Может, слово "чо" так повлияло на мою оценку Егора? Может, душа у него светлая? Сама хмыкнула своим мыслям. Плевать! Мне тогда его "объятия" не понравились, а я привыкла верить своему шестому чувству, оно меня еще ни разу не подводило!

Но парень упорно не отставал. Я остановилась в ожидании троллейбуса.

Вот черт, так он может узнать, где я живу.

Я сама от себя не ожидала того, что сделала дальше. Дождалась своего троллейбуса, а когда двери уже почти закрылись и тот начал трогаться, умудрилась заскочить и протиснуться между створок, которые захлопнулись за моей спиной.

ной, чудом не защемив мою сумку. Оглянувшись, я увидела раздраженного парня, побежавшего следом. С чего это такое желание меня проводить?

Нет, нужно как можно дальше держаться от таких.

Выйдя из троллейбуса, я начала настороженно оглядываться. Было ощущение, что вокруг одни враги. Хм, раньше не замечала. Шла, смотрела по сторонам и видела, как мужчины ведут себя странно: кто-то отводит резко глаза в сторону, а кто-то, наоборот, подмигивает и улыбается. Что с ними со всеми? Осенний спермотоксикоз? Пришлось до дому практически бежать, но по сторонам я продолжала оглядываться. Заметила какую-то компанию парней возле подъезда, почувствовала напряжение и начала думать, кого буду бить первым, если что.

Когда почти бегом домчалась до квартиры, поняла, что схожу с ума. Кого бить? Как? Каким образом? Я точно сбрендила!

Вернувшись домой, села за уроки, пришлось все посторонние мысли быстро выбрасывать из головы. Самое смешное, думала, что в университете "домашку" задавать не будут. Ага, как же! Тут ее не просто задают, тут ею заваливают! Сделав задания, решила посидеть в соцсетях. Все-таки все школьные друзья сейчас кто куда после школы разбежались, может, что интересного или новенького пишут о себе. Не заметила, как просидела до прихода мамы.

Вместе с ней приготовили ужин.

– А где папа? – спросила я её.

– Он в командировке, – коротко бросила мама в ответ.

– А-а... – только и ответила я.

Папа в последнее время зачастил по командировкам. Наверное, уже семью себе новую завел. Я вздохнула. Было неприятно об этом думать, но, учитывая, что ему в последнее время было абсолютно наплевать как на маму, так и на меня, скорее всего, оно так и есть. Невольно на глаза навернулись слезы. Стало обидно за нас обеих.

– Тонечка? Что-то не так? – Мама, видимо, заметила мое унылое состояние.

Я не стала ее беспокоить, выдавив улыбку.

– Все хорошо, мам, просто немного устала.

Мама нахмурилась, но приставать не стала. А я вдруг вспомнила ту женщину, которая пьяная валялась на полу, а ее сын кричал на нее. Стало страшно: представила свою маму в таком же состоянии, и на душе похолодело. А на отца вдруг вспыхнула злость. Никогда не думала, что смогу так сильно ненавидеть его. Тут же осеклась: да что же со мной такое сегодня? Может, папа и правда в командировке? А я его во всех смертных грехах уже обвинила!

– Тонечка, мы завтра с тетей Верой на выставку в семь вечера пойдем, в картинную галерею, там репродукции Рериха привезли. Может, с нами?

– Их оттуда и не увозили, по-моему, никогда, мам, – усмехнулась я.

– Ну и что? Ты видела, а я нет, а вместе веселее. Да ты что-то приуныла совсем, расскажи хоть, как в университете?

– Да ничего интересного...

Я кратко поведала о сегодняшнем дне, о разговоре со старостой и девчонками, мама хмурилась и цокала языком.

Я решила согласиться на поход в галерею, все же тетя Вера прикольная. Она на самом деле совсем молодая, ей всего двадцать шесть. Но она мамина двоюродная сестра, и поэтому мама ее упорно тетей Верой называет, так как теоретически она моя двоюродная тетя. Я отвлеклась от плохих эмоций, и мы с мамой начали обсуждать очередного Вериного ухажера.

Перед сном у меня вдруг возникла безумная идея, и я решила ее осуществить.

Нервно в браузере вбила "булочки.нет" и вошла. Знать не знала про "Клиент Тэбнэт", зато прекрасно поняла, как им пользоваться. Знания словно сами в голову приходили: как зарегистрироваться, как скачать. Закачала одно видео, скорость отличная, "сидов" и "пиров" более тысячи, видимо, видео очень интересное. Безошибочно нашла то, что ночью во сне смотрел Лешка, и включила. Тупо уставилась на блондинку с огромными губищами и такими же огромными голыми сиськами, в короткой плиссированной юбочке, с хвостиками и белыми бантиками. В белых гольфах и черных туфлях на высоченном каблуке, делающую минет пяти неграм с огромными членами. Ролик шел пять минут.

Я не могла от него оторвать глаза, и во мне начали зарождаться два абсолютно взаимоисключающих чувства: возбуждение и отвращение. Трусы намокли, и мне стало плохо, на самом деле плохо. Я в жизни так отвратительно себя не чувствовала. После просмотра сидела минут двадцать в полнейшем ступоре. Из головы не выходила блондинка, залитая спермой. Хотелось потрогать себя, но в то же время было страшно это сделать. Кажется, я перестаралась и отравилась собственными гормонами. Побежала в туалет, и весь мой ужин оказался в унитазе.

– Тонечка? Ты как, все хорошо?

Мама стучалась в дверь туалета.

– Не знаю, мам... – еле прохрипела я. Если бы она знала, что я сейчас смотрела, у нее случился бы сердечный приступ как минимум.

– Наверное, это сотрясение. Выйдешь, я тебе таблетку дам и голову еще раз померю. Неужели еще раз массаж надо сделать?

Последнюю фразу она, видимо, уже сама себе говорила, удаляясь от туалета.

Я еще минут пятнадцать сидела возле унитаза, прислонившись к холодной стене туалета, и пыталась прийти в себя – или из себя, от себя... В голове был полный кавардак. В итоге мама устроила настоящую истерику в коридоре, и пришлось практически ползком выходить, потому что стоять на двух конечностях было очень сложно.

Голова была в порядке. Но мама надавала мне каких-то таблеток и уложила спать, поцеловав перед сном в лобик.

– Наверное, это стресс. Больше никаких поездок за город с однокурсниками! – строго сказала она.

Наверное, она была права... Спать было страшно. Я мужественно минут пять попыталась не закрывать глаза, отгоняя от себя образ облизывающейся счастливой блонди, но, видимо, усталость организма брала свое, и я погрузилась в сон.

3 глава

Нинка

– Нин, ты чо не закрываешься?

В магазин зашел Валерка.

Я сразу же встрепенулась, в голове закрутились картины, как Валерка прижал меня в подсобке, прямо возле коробок из-под водки, к стене, задрал халат, отодвинул в сторону трусы и тут же вогнал свой поршень по самые гланды, уткнувшись при этом мне в шею. Ох, как же это меня взбодрило! Хотя, конечно, он и был с похмелья, воняло от него прилично, и кончил он за минуту, однако от таких чувств меня бросило в жар.

– Да, я сейчас, Валерочка, – улыбнулась я мужчине, выйдя из-за прилавка и повиливая бедрами.

Валерка присвистнул.

– Ну ниче се на! Фасад какой, охуеть – не встать! Нинка, а я шкалик принес, бушь?

Я дошла до двери и перед носом очередного покупателя захлопнула ее, скорчив скорбное лицо. "Закрываемся, мол, на время-то смотреть надо".

– Да я и не против, сейчас колбаски порежу.

Я захихикала и засмушалась. Валерка – классный мужик. Таких еще поискать надо! Хоть и козлина еще та, но все равно самый-самый. Ох, не увели бы!... Катька вон, из бытову-

хи, постоянно ему свои zenки строит, так бы и выколола ей. Сиськи свои вывалит на прилавок и улыбается, корова толстая!

– Ну ты чо, бля... зависла там! Давай шевели уже булками-то!

– Бегу, бегу, Валерочка!

Ладно, не буду о плохом вспоминать.

Нарезала быстро копченой "Краковской", сделала бутерброды с хлебом и пошла в подсобку к развалившемуся на диване Валерке.

– А я закусончик принесла! – улыбнулась я мужчине.

Он всхрапнул и, кажется, задремал.

– О, ну ты даешь, мать... А я уже уснул.

Я выставила кружки, и Валерка разлил.

– Ну, вздрогнем!

И мы вздрогнули, тут же занюхав колбаской. По горлу тут же потекла жгучая жидкость, прогревая все тело.

– После первой не закусывают!

Мы выпили по второй. Я уже захмелела, а Валерка тем более, на старые-то дрожжи...

Шкалик кончился довольно быстро.

– Давай еще по одной? – томно улыбнулась я.

Валерка икнул и вытер слюну, которая побежала из его приоткрытого рта.

– Я это... мож... давай?

И он полез целоваться. Конечно, было немного неудобно,

диван-то и так еле живой, да еще с клопами. Валерка опять задрал мне халат и, навалившись сверху...

Тоня

Я очнулась в холодном поту и вновь побежала к моему фансовому другу. На этот раз возле унитаза просидела где-то час, так как желудок был пустой, а ужин я оставила еще с вечера. Тихо ненавидела свои грязные извращенные фантазии. Спать хотелось со страшной силой бешеного медведя шатуна. Пришлось возвращаться в кровать и засыпать. Утром на пары, в конце концов!

Проснулась жутко уставшая и совсем разбитая. Мама, как обычно, хлопнула дверью, а папа все еще в командировке. Позвонил брат, предупредил, что придет на обед.

Душ немного взбодрил, появилось желание жить, по дороге запулила черный камень куда-то в сторону, решив, что это он сводит меня с ума. В университете "шестерка" принца смотрел на меня угрюмо, пытался заговорить и больше того – схватить за руку, я шарахнулась от него, как от чумного.

– Отстань от меня! – нервно пробормотала я.

– Я поговорить хочу, чего ты шарахаешься? Я же не съем!

Пришлось остановиться и отойти к окну.

– Я слушаю! – угрожающе прошипела я.

– Меня зовут Егор, если не забыла.

– Очень за тебя рада, Егор.

Я попыталась как можно больше пренебрежения вложить в свой голос.

– Если это все, тогда я пойду.

И тут же сделала шаг, но Егор опять схватил меня за руку.

– Почему ты вредная такая? – улыбнулся парень.

Я демонстративно посмотрела на него снизу вверх. Черные туфли, черные джинсы, серая рубашка и черная кожаная куртка классического стиля, такая же кожаная сумка. Хм... Ну надо же, интеллигент какой! Мой отец практически так же одевается. Вчера Егор был в синих джинсах и кедах, а также в спортивной бордовой куртке.

Наткнулась на лукавую улыбку парня. И отчего-то смутилась.

– Подхожу?

– К чему? – задала я идиотский вопрос.

– Тебе подхожу?

Сегодня у меня тоже был классический стиль. Туфли-лодочки черные, черная юбка чуть выше колен, белая блузка, черный пиджак и осеннее черное классическое пальто до колена. Сумка тоже классическая. Он что, мой стиль утром подсмотрел? Вздохнув, потерла виски.

– Слушай, чего ты хочешь от меня?

– Нравишься ты мне, неужели не поняла еще?

Я от неожиданности рот раскрыла. Егор опять улыбнулся и, выхватив мою сумку, взял за руку.

– Идем, а то на урок опоздаем. И я сижу с тобой, без разговоров!

Я в шоке поплелась за Егором, рассматривая его стриже-

ный черноволосый затылок.

Рефлексовать слишком долго мне не дали занятия. По "Истории экономических учений" получила задание сделать доклад на пяти страницах формата «А-4», со шрифтом не более двенадцати, о "Домострое". Преподавательница пригрозила, что если в указанных источниках будут "просторы интернета", то поставит кол и на экзамене автоматически снизит оценку на целый балл. Однокурсники взвыли, впрочем, как и я. Придется топтать в библиотеку. На перемене подошла к девчонкам – спросить, когда пойдут, одной страшновато. Есть у меня фобия насчет библиотек.

В третьем классе на меня целая полка с книгами упала. Я честно ее не толкала, это был одноклассник, Антон Кистинев. Я его "Антошкой-картошкой" обозвала, а он на меня полку свалил. Я думала, что задохнусь под этими книгами и никогда не вылезу, так как пролежала очень долго. Отчего-то никто не услышал, как завалилась эта полка. А плакать и звать на помощь было страшно и стыдно. Когда меня разгребли, библиотекари долго хохотали, а у меня коленки тряслись. С Антоном я до выпускного не разговаривала. А библиотеки я до сих пор боюсь.

Да и с головой в последнее время проблемы – то ли от удара, то ли от стресса, вот фобия детская и вспомнилась. Договорилась с девчонками на субботу, там одна информатика, всего два часа лекций, до обеда сходим.

– Вместе пойдем, мне тоже "Домострой" попался, – не дал

ответить Ольге Егор.

Ольга нахмурилась и строгим грозным голосом – видимо, для Егора – произнесла:

– Мы тоже пойдем, Тонечка.

Я уже хотела что-то ответить Ольге, как меня дернул Егор.

– Идем, я курить хочу, а то скоро перемена уже закончится.

Очаровательно! Это было уже слишком, и я вырвала руку.

– Послушай, ты ...

– Егор, – перебил он меня, пытаясь схватить меня вновь за руку.

– Я с тобой никуда не пойду, я не собираюсь нюхать дым, и держись от меня подальше, терпеть не могу запах сигарет!

Егор сузил глаза, и улыбка сошла с его лица.

– Тогда сиди в аудитории, и чтобы без меня не вздумала и шага сделать. – И ушел.

А я опешила от его наглости. Он что, чокнутый? Девчонки тоже притихли за моей спиной.

– Слушай, какой-то он странный, – пробормотала Даша.

– И никакой он не странный, подвис он на тебя, Тонь! – улыбнулась Оля.

А у меня вдруг как-то приятно на душе стало. Может, я действительно ему нравлюсь? Ну уж нет! Все не просто так, он явно что-то затеял. Или все же у меня паранойя разыгралась из-за стресса? Вот бы узнать, врет он или правду говорит. Вот только как это сделать, ума не приложу...

На практике по информатике Егор неожиданно помог мне с написанием маленькой программки. Нужно было просто создать кнопку с "макросом открытия вкладки", а я, как обычно, из-за своей невнимательности добавила ввод не там, где нужно, разорвала команду, и, естественно, программа выдала ошибку. Я сидела и парилась, а этот умник заметил и подсказал. Пришлось сквозь зубы говорить спасибо.

После практики он опять схватил меня за руку и потащил в столовую.

– Я туда не пойду, я не хочу есть, – начала возмущаться я, привлекая внимание однокурсников. Стало стыдно. Терпеть не могу, когда так много народу начинает на меня смотреть. В школе из-за этого всегда проблемы были. Лучше кабинет два раза убрать, чем на сцену выйти или перед классом стих наизусть рассказывать. Начинала заикаться и трястись, хотя дома родителям без проблем рассказывала.

– Я поем, ты посмотришь, потом домой тебя провожу, и не вздумай сбежать, – продолжал он, как танк, тащить меня за собой.

Пришлось идти. Я поймала себя на мысли, что Егор все же отвлек меня от тягостных дум о моих грязных развратных фантазиях. Он все равно купил мне котлету с картошкой и компот.

Вяло поковырялась вилкой в еде. Не люблю я картофель и котлеты: еще не известно, из чего их делают! Не доверяю я общественному питанию! Брат как-то в столовой практику

проходил. Он столько страшных историй порассказал! Уж лучше до дома потерпеть, чем гадостью всякой травиться.

– Расскажи мне, чем увлекаешься.

Я изогнула бровь.

– В университете учусь, чем я еще могу увлекаться?

– И все, что ли? Музыка, танцы?

– Мне и учебы хватает, на остальное как-то времени нет, если ты не заметил.

Эх, на колкость мою он не обратил внимания, а я так старалась!

– А я, к примеру, языки разные изучаю, вот китайский учу, хожу на курсы при универе. Не хочешь присоединиться?

Я с удивлением посмотрела на парня, языки меня тоже всегда интересовали, я и не знала, что при университете есть какие-то курсы.

– Я подумаю, – нехотя ответила я.

– Думай скорее, завтра после шести вечера занятия. Всего два часа. Три раза в неделю. Придешь? Можем прямо сейчас сходить записаться. Там и все условия узнаешь.

Вздыхнув, я поняла, что хочу сходить.

Записалась я туда быстро. Оказывается, если прохожу все эти пять лет на курсы и экзамены сдам, то включат предмет в диплом. Конечно, родителям раскошелиться придется, но оплата помесечная, так что думаю, отец не будет против, тем более он сам меня всегда подталкивал языки изучать.

На этот раз Егор не выпускал моей руки до самой кварти-

ры. А возле нее прижал к двери и поцеловал! В губы! Просто прикоснулся своими губами к моим и лизнул. Я опешила.

– До завтра, Тонечка.

Он улыбнулся и ушел. А я еще минут пять стояла у двери и пыталась понять, что это такое было.

Потом разозлилась на себя и, чертыхаясь, открыла дверь. Брат был дома, и тоже зол.

– Я же предупреждал, что в обед приду! – зарычал он на меня.

– И что? Меня в университете задержали!

Слава богу, можно было на кого-то покричать и спустить пар.

– Зачем тебе вообще это нужно? Все равно ко мне работать на фирму пойдешь, а я и без образования тебя возьму!

Этой темой он мне уже весь мозг пропесочил. Его родители из-за этого домой и не пускали. Брат меня старше на двенадцать лет. Он бизнесмен, занимается оптовой торговлей продуктами. Умудрился однажды залезть в алкогольный бизнес и раскрутиться. Он долгое время со мной нянчился, родители вечно на работе – видимо, родили меня не для себя, а для него. Игорь со скандалом ушел из дома, когда мне было восемь лет. Из-за чего-то с родителями поругался, я так и не поняла, что же случилось. Он меня постоянно к себе забирал, считая меня не сестрой, а чуть ли не своей дочерью. Часто с утра в школу увозил, из школы забирал. Одежду покупал, компьютер, приставку, роликовые коньки. Все он. Я

его, можно сказать, своим вторым отцом считаю. Но почему-то он был против университета и чтобы я вообще высшее образование получила. А еще он был уверен, что работать я буду на него, и только так.

Родители постоянно отговаривали меня от бизнеса брата. Отец сильнее всего. Он всю жизнь на своей железной дороге проработал и был уверен, что туда и нужно мне идти.

«Вся эта коммерция – это все несерьезно, он не сегодня так завтра закроется, прогорит, и ты без работы останешься, то ли дело железная дорога, там и стаж, и льготы».

– Вот интересно, – продолжила я спор с братом, – как я там без образования работать буду?

– Чего там делать-то? Будешь моей секретаршей работать. Чай-кофе принести, график встреч составить, и у меня на глазах все время.

– Я всю жизнь твоей секретаршей буду работать?

– Нет, конечно, тебя Екатерина Игоревна бухгалтерии научит.

– О, а Екатерина Игоревна тоже без образования?

Брат скрипнул зубами.

– Откуда мне знать? И вообще, где отец? Мать говорит: он вечно в командировках! Семью новую завел?

Я приуныла: как же быстро он тему сменил. Да еще и на отца. Сейчас будет поливать его грязью минут тридцать, не меньше! Поставила перед ним тарелку с согретым супом. Может, хоть есть начнет и помолчит?

Игорь уходит не соби́рался. Сидел в зале и по телефону решал свои дела. Я же занималась "вышкой". Эти матрицы скоро сниться будут. Вспомнила про сны и порадовалась, что камень выкинула. Наверняка дело было в нем.

– Поехали ко мне ночевать. Я фильмы интересные купил, посмотрим.

Я вздохнула: наверняка дома беспорядок, хочет, чтобы я убралась. Хорошо хоть, квартира у него маленькая – всего две комнаты. Последняя жена отобрала их коттедж и чудом чуть весь бизнес себе не отхватила. Хотя у Игоря его бизнес отобрать – целое дело, он его половину на маму оформил. Конечно же, папа этого не знает, иначе бы был скандал, да еще какой. Другую половину же на бабушку. Та Игоря обо-жает и с детства облизывает с ног до головы. Меня же как будто даже не замечала никогда.

– Хорошо, но утром в университет тогда отвезешь!

– Отвезу, куда я денусь. Собирайся быстрее. Я маме позвоню, предупрежу, чтобы не теряла тебя.

Доехали до его дома, и Игорь вспомнил, что в холодильнике ничего нет. Пришлось мне (а кому же еще?) идти в магазин, а брат поехал машину ставить в гараж.

В супермаркет не пошла, там сейчас народу слишком много, тем более мне всего лишь хлеба, молока да полуфабрикатов купить нужно. Увидела небольшой магазинчик – видимо, недавно открылся, раньше такого здесь не было.

Обратила внимание на знакомое незамысловатое назва-

ние "Наташа". В голове что-то щелкнуло, но мысль куда-то пропала. Все-таки вечерняя суета, народ бежит, несется, того и гляди с ног собьют.

Зашла в магазин и ... испытала самый настоящий шок. Передо мной стояла Нинка-продавщица.

Вся ее жизнь начала пролетать в моей голове мелкими картинками. Хорошо, что перед ней стоял покупатель. Если бы она увидела мой взгляд, то, наверное, испугалась бы. Картинки из жизни продавщицы чуть не разорвали мне голову. За пять минут я прожила все ее тридцать два года.

Нинка училась в школе, кое-как окончила девять классов, забеременев от одноклассника Васьки Юдова, который называл ее шалавой и жениться не захотел, уехав в город работать. Родила в райцентре в страшных муках, схватки длились сорок восемь часов. Оставила ребенка на свою старую мать и ринулась за Васькой – конечно же, его не нашла, поэтому поступила в училище торговое. Жила в общежитии, познакомилась с Колькой, потом еще много кто был, даже имен не спрашивала. Живет и работает в городе продавцом, бесконечно меняя магазины и работодателей, отправляя матери деньги на сына. Они живут в деревне Нижние Усугли. Трахается с Валеркой, ну еще Витька до Валерки был.

– Девушка, вы братъ что будете? – вырвала меня из своих воспоминаний Нинка-продавщица.

– Да, буду. – Я нервно сглотнула и попыталась вспомнить, зачем пришла в этот магазин.

– Слушайте, девушка, не задерживайте покупателей, говорите быстрее.

Я оглянулась: покупатель был всего один, и тот был... Валерка.

У меня вырвался нервный смешок. Я тут же вспомнила его запах, а еще слюну, что свисала из его рта, когда он меня повалил на диван... или это он Нинку повалил? Подурнело...

– Эй, с тобой все хорошо? Бледная какая...

Нинка странно на меня косилась. В ее глазах промелькнуло... узнавание? Удивление? Она нахмурилась.

– А мы с тобой, случайно, не знакомы?

И все же мои нервы не выдержали

– Нет. Я вас впервые вижу, – выпалила я и выскочила на улицу, так ничего и не купив. В отупении пошла домой. Очнулась, когда поняла, что иду не к брату, а к себе. И прошла уже половину пути. С матом дошагала до другого магазина и отправилась к Игорю. "Наташу" обогнула по дуге метров за пятьсот.

– Ты где столько времени была? Я уже хотел тебя искать идти, заблудилась, что ли?

Пришлось врать:

– Очередь длинная была.

– Так ты зачем в маркет ходила? Зашла бы в "Наташу", у нас тут новый магазин открылся. Не видела, что ли, сразу как из арки выходишь? Удобно, когда много покупать не нужно.

Продавщица, правда, та еще страхолюдина.

– Не видела, – подавленно пролепетала я и почувствовала иррациональное чувство обиды на брата за Нинку.

И ничего она не страхолюдина. Просто немного запустила себя. А так, если дать выспаться, приодеть, сделать хороший «мэйкап», она вообще конфеткой будет.

Посуды была гора, и одежда не постирана, полы Игорь все же сам помыл. Пока убиралась, думала о прожитых годах, своих... или Нинкиных. Было противно и стыдно. Хотелось выть от той безысходности и нищеты, в которой выросла женщина и продолжала жить. Как страдала из-за этого Васьки. Думала о глупых рассуждениях ее матери, которая посоветовала ребенка оставить. Зачем? Как можно быть такой дурой? Самим есть нечего, еще и ребенок? А еще в деталях вспоминала роды. И поняла, что ребенка рожать никогда не буду. Это больно и страшно, а всем вокруг на тебя наплевать. Помню, как меня стошнило на пол, а санитарка отmaterила еще и пыталась тряпку всучить, чтобы я за собой убирала. Хотя я вообще встать не могла, боль была жуткая, даже плакать уже не получалось, только скулить бесконечно, корчиться на кушетке да тряпочку между ног держать, так как трусы надевать запрещали. А рядом еще таких же пять рожениц скулили. Жесть! Вот только когда Ванечку к груди приложила, поняла что-то. Что это – живое существо, и заплакала. Стою над посудой и носом хлюпаю.

Никак не могла понять, выдумка это все моя или я реаль-

но знала всю жизнь этой женщины? С другой стороны, откуда ко мне могли прийти эти знания? Роды, секс, да еще и с такими... буэ... С другой стороны, на что она еще могла рассчитывать, живя в этих своих Нижних Усуглях, где десять домов, старики да алкоголики. Да и внешностью женщина не отличалась. Может, фигура и ничего, но лицо некрасивое, нос слишком большой, глаза маленькие, невыразительные. Мне стало ее жаль. И поняла, что не мне ее осуждать, это уж точно. Я вообще в шоколаде да в ванне с пеной, как Игорь все время говорит. Мне теперь вдруг стало понятно, что он имеет в виду. Даже завидовать себе начала. На лицо свое подругому взглянула, на одежду. Если судить по мнению Нинки, то я – городская богатая краля. Хотя, вообще-то, родители у меня простые работяги. Разве что брата богатым можно назвать. Но ведь это же брат. Он же не отец!

Игорь своими разговорами меня отвлекал, а я пыталась отвечать ему невпопад. Он разозлился, как всегда, начал кричать, почему его не слушаю, а я не выдержала и выпалила:

– Блин! Вот я виновата, что тебя жена из дома выставила? Может быть, не стоило ей изменять?

– Ты мне еще поговори, малявка! Взрослая сильно стала? А ну, кыш отсюда, я сам все доделаю.

Я с радостью пошла в комнату смотреть телевизор, хотя бы отвлечься немного. Вечером включили новый боевик. Я уснула за просмотром экшена... Видимо, фильм был слиш-

ком интересный, а может, я просто вымоталась. Судьба Нинки-продавщицы похлеще любого экшена зацепила. Наверное, потому, что реальна и очень жестока. А она еще и улыбается этому Валерке, счастлива оттого, что он есть. До этого на нее вообще толком никто так не смотрел, а Валерка иногда даже "Нинок" зовет – приятно и по-свойски как-то.

4 глава

Валерий Александрович

Подъехал к дому и сижу уже минут тридцать, смотрю на окна. Заходить не хочется. Хочется вернуться к Верочке, обнять, поцеловать мягкие податливые губы, провести рукой по нежным изгибам тела... Захватить в рот сосок, лизнуть, прикусить. Услышать тихий полувсхлип-полустон... Почувствовать ее влагу на пальцах, на языке, ее теплый нежный язычок на мне. Низ живота заныл, в штанах стало тесно. Нет, ну вот и как с таким настроением домой идти?

А там она. Двадцать пять лет вместе. Смотреть друг на друга тошно. Даже по имени называть не хочется. Пять лет уже не живем – сосуществуем, одна сплошная ненависть. Даже соседи и те в лучших отношениях живут.

Я скрипнул зубами: ведь уперлась же, не дает уйти. И ведь столько доводов обоснованных приводит: должен, обязан... То Катюшка должна подрасти... подросла уже, двадцать лет девке. По клубам полуголая бегаёт, совсем от рук отбилась. Так и хочется ремень в руки взять да отстегать по голым ляжкам.

Сдавил руль со злости. Конечно, сам виноват, разбаловал. Так ведь эта чуть что – сразу в крик!

«Девочек ругать нельзя, нужно баловать! Я тебе Андрюшку позволяла воспитывать, но он мужик, а Катю не смей!»

Вот и как ее воспитывать? Она ведь ни меня, ни ее уже не уважает, только деньги да шмотки новые требует. Мужиков уже сменила... Вспоминать тошно.

Андрей молодец, за него рад: и семья, и работает, проблем вообще никаких. А Катька... Слов нет. Одна сплошная нецензурная лексика...

Но нужно идти, не сидеть же всю ночь тут, завтра на работу. К лекции нужно подготовиться, первый курс давно не читал, уже подзабыл. Скорее бы Былкина из декретного явилась, а то такими темпами и сердечный приступ можно заработать. Все же не мальчик уже – из одного конца города в другой за пятнадцать минут добираться на дикой скорости. Опаздываю постоянно, даже студентам предъявить нечего. Водителя еще, как назло, найти трудно. Еще и общественной работой завалили...

Вера... Славная девочка, милая, добрая и наивная немного. Хотел ведь просто развеяться, а теперь уходить от нее не могу. Как мальчишка, стою в коридоре, прощаюсь по часу, к стенке прижимаю. Надоело, хочется быть с ней. Видеть только ее. И злость какая-то... постоянная.

Дома, как обычно, недовольная физиономия, взглядом словно препарирует. Господи, хоть бы за собой следить начала. Вроде не старая еще, морщин немного. А как наденет этот халат страшный – тошнить от нее начинается. Хорошо хоть, комната Андрея не занята и есть куда от этой сбегать.

А ведь когда-то девочкой милой и доброй была. Куда что

делось? Мегера...

В холодильнике, как всегда, пустота. Если бы не Вера, с голоду бы умер. Ладно, пойду к себе, нужно к работе готовиться.

– Пап!

О! Неужели дома?

– Да.

– А ты мне денег дашь?

– Зачем?

– Ну как, помнишь, я же говорила, сумочка от "Качини".

– Сколько у тебя этих сумочек?

– Пап, я же ее под сапоги покупаю. Как я их со старой сумочкой сочетать буду? Меня же засмеют.

Оглянулся на дочь. Чуть не подавился: на улице октябрь месяц, а она практически голая. Как проститутка вырядилась. А на лице грим, даже сложно понять, кто передо мной: Катька или нет? Скривился, смотреть противно. И это малышка, которая пальчик во сне посасывала и без сказки засыпать не хотела? Что выросло?

– Обойдешься.

– Как? Ну, па-ап...

– Все, разговор закончен, я занят, и смой свой грим, смотреть тошно. – Хватит! Больше ни копейки не дам! Одежды полный шкаф!

– Ма-а-ам-м-м! – убежала, хлопнув дверью.

– Валера!

Вот надоели, нужно на дверь уже шпингалет ставить.

Так, что у нас дальше...

"Три аспекта культуры речи: нормативный, коммуникативный, этический. Нормативный аспект культуры речи – один из важнейших. Язык располагает большим арсеналом средств..." (Автор-составитель: ст. преподаватель кафедры русского языка СГГА Тропина В.Г. лекции КРиДО – культура речи)

Тоня

В институте я ходила как сомнамбула. Еще бы, ночью посидела на лекции по культуре речи, а еще побыла Валерием Александровичем. Хорошо хоть, Игорь был занят по работе и с разговорами не лез, просто довез до университета. На уроках ничего не понимала, если бы не Егор с его подсказками и помощью, точно бы хвостов нахватала. Учителя, оказывается, оценки для себя ставят, журналы личные ведут.

На перерыве к Егору какие-то парни подошли, с другого курса. Рассказали, что многие по оценкам судят, на экзамене порой просто выставляют средний балл. Если не согласен, можешь по билетам попробовать. Так что теперь нужно оценки на уроках за ответы зарабатывать, как в обычной школе. А я расклеилась и с ума схожу. В голове черт-те что, полный бардак. Три жизни, столько событий, все смешалось.

Егор меня за собой за руку везде водил. На этот раз я не сопротивлялась вообще, плохо соображала, и сил спорить не было абсолютно.

– Ты что, не выспалась? Чем ночью занималась?

– Изучала культуру речи... – не думая, ответила Егору.

До меня дошло, что чуть не рассказала Егору о своем сне, и я осеклась, испугавшись. Егор посмотрел на меня изучающе, а мышцы его лица словно окаменели.

– Так у нас же вроде только со второго семестра начнется культура речи?

Понятия не имела, как ответить, хотя, наверное, можно было много чего придумать. Но я была слишком подавлена и рассеяна.

Я почувствовала, как он руку больно сжимает, и с удивлением уставилась на парня.

– Ты с кем сегодня приехала? – задал он вопрос недовольным тоном, а его глаза словно заледенели.

– С братом, – на автомате ответила я.

– Понятно. – Егор тут же улыбнулся, расслабился и захват ослабил.

А потом до меня дошло, и я не просто разозлилась – я расвирепела!

– Какого черта ты себе позволяешь! – закричала я на него со злости.

– Тише! Ты что, хочешь, чтобы вся группа нас слушала? – сделал большие глаза Егор.

Я притихла, стало жутко неудобно: он прав, кричать не стоит, нужно спокойно объяснить, чтобы отстал уже. Только рот раскрыла...

– Идем, – он дернул меня за руку, – перерыв уже закончился.

Рот пришлось прикрыть и серьезный разговор отложить на более позднее время. Пока сидела на лекции, думать было некогда. В перерывах же срочно в следующую аудиторию бежать. В итоге день закрутился: лекции, Егор, который все время рядом, постоянно за руку трогает. Как он ловко мной манипулировал? Я только начинаю возмущаться, он мгновенно находит такие слова, что мне стыдно становится. Пытаюсь тихо сказать, чтобы отстал, – или не слышит, или тему на лекции переводит.

«Вот тут я не успел записать, покажи... у тебя почерк трудный, прочитай, я запишу...»

Я только глазами хлопаю и не успеваю за его маневрами. Даже не поняла, как мы уже возле квартиры моей оказались, а он опять к двери прижал и поцеловал. Скользнул языком по губе.

– Сегодня китайский, не забыла? Я найду за тобой. До вечера.

И убежал.

Вот как с ним быть? Потрогала губы пальцами, посмотрела на них с удивлением. Его поцелуи приятны, и пахнет от него приятно. И на лицо он, оказывается, симпатичный – странно, я умудрилась только сейчас рассмотреть, пока он про китайский говорил. А еще он помогает мне словно возвращаться... Мысль глупая и странная проскользнула: "Возвращаться..."

вращаться в этот мир..." Словно я уже в другом. И я уже не я вовсе.

– Доча? Ты чего тут стоишь? Ключ, что ли, забыла?

– Папа? – Я вдруг бросилась к нему на шею, как в детстве, и осознала, что скучала, очень.

– Солнышко мое, я тоже скучал... – папа растерялся, я ведь давно так себя не вела.

Я и сама поняла, что стала слишком взрослой, серьезной, что ли. Но сейчас вот так просто захотелось обнять, потому что скучала. И все обвинения куда-то ушли. Что, если он полюбил другую женщину? Ведь он с мамой столько лет уже прожил и с ней сейчас из-за меня?

Я начала припоминать их отношения. А ведь и правда, мама его не встречает у порога, не готовит ему еды, их отношения прохладны, они не ругаются, они словно не замечают друг друга. А ведь ему больно, плохо, он мучается и уйти не может, получается... я держу? Из-за меня? Как в моем сне с Валерием Александровичем? Но ведь неправильно... Он тоже должен быть счастлив, и если с нами счастья нет, то зачем нам его мучить? Он ведь живой, и там его любят и ждут...

– Ну, хватит тут уже концерты соседям устраивать, ребенок, – заулыбался отец.

Мы зашли домой. Я смотрела на его уставший вид: может, и правда в командировке был?

– Кушать есть чего? Пельмешки сварить? – спросила я.

– Вари, дочь, а я пока в душ.

Пока варила пельмени, на стол накрывала, все думала, думала. Нужно поговорить, и прямо сейчас. Он должен быть счастлив, а мы и без папы прорвемся, тем более если мама его не любит. А вдруг и у мамы тоже кто-то есть? А они оба притворяются... чтобы что? Психику мою не травмировать? Чай не пять лет уже. А сколько? Попыталась вспомнить... и поняла, что не знаю. Восемнадцать? Сорок пять? Тридцать два? В висках закололо.

Картинки чужих воспоминаний посыпались шквалом: "Верочка, нежная, сладкая, любимая, улыбчивая, всегда с радостью в глазах... встречает, любит, и я люблю..."

– Тоня? У тебя что-то болит?

Я посмотрела на мужчину: кто он? Попыталась вынуть из огромного количества воспоминаний образ. Отец... Чей? Но ведь мой отец был другим. Или не был? В голове образ старика – полного, вредного, злого, со злыми шутками, надоедливый. Он мать в гроб загнал, и я с ним ведь не виделся... сколько лет? Десять? А этот молодой, как я, такой же. И чего он меня дочей называет? У меня ведь не было отца, только любовники матери, последнего вообще прикончить надо, шило в бок, или это у Нинки отца не было? Черт, да что со мной?

– Посмотри на меня, Тонь, ты как? – В глазах у мужчины паника, испуг. Кто он?

Вспоминай, дубина, ну что ты как маразматик стал, совсем расклеился, ну!

– Доча, ответь мне, не молчи! – закричал он.

– Папа? – удивилась я, но... как могла такое забыть?

– Что с тобой было? Голова заболела?

– Да, – пробормотала я.

– Слушай, ты же ударилась, да? Может, в больницу?

– Нет, нет, не надо, я полежу, и пройдет, – покачала я головой.

– Может, голодная? Поешь, потом полежишь?

– Да, пап. Скажи, а ты счастлив с нами?

Он опешил, в глазах появились удивление и испуг. Неужели я угадала? Или просто не понял?

– У тебя кто-то есть? Семья? – опять переспросила я.

Он отошел, сел за стол, отвел глаза, вздохнул.

– Пап, я не осуждаю, я просто... понимаешь... я хочу, чтобы ты счастлив был... а ты с нами, а тебя там ждут, а ты тут...

– Не сдержалась и, всхлипнув, добавила: – Прости за сумбур.

Будет грустно, если он уйдет, все равно, как ни крути... Всегда я была его любимой доченькой, все ведь для меня было, а теперь не будет. И мама тоже как?

Справимся, не дети ведь уже!

Я стиснула скатерть руками, пытаюсь привести мысли в порядок, но в голове был такой бардак, что я еле сдержалась, чтобы не выругаться, как это любил делать Лешка. И упрямо посмотрела отцу в глаза.

– А я и не заметил, как ты выросла, Тоня, – сказал он. – Но знаешь, я сам разберусь, хорошо? Не думай об этом, давай

просто обедать, ладно?

Я медленно кивнула, и мы принялись за обед. А сама пыталась разобраться: зачем истерику устроила, спрашивается? Вот позорище! Откуда такая плаксивость? Нинка... Она плакать любит. Особенно когда выпьет, все по Ваське страдает. Видела его не так давно, на машине на ауди ехал, весь деловой такой, в костюмчике, музыку слушает. А она с Ванюшкой еле концы с концами сводит. В магазине жить вынуждена – это хорошо, пока мать жива, а если заболит, то как тогда? Сына надо в ПТУ определять, чего он там, в сельской школе, будет делать? Или этот, как его, ЕГЭ сдавать? Надо позвонить, узнать.

– Тонь! – Отец опять выдернул меня из чужих воспоминаний. – Ты не ешь совсем, где ты витаешь? Голова как?

– Нормально, просто уроков много. – Как вытравить все эти чужие воспоминания? Где уже мои, где я? Что-то я совсем потерялась. – Пойду уроки делать, а то в школу завтра, – пробормотала я.

– А я думал, ты у нас в университете учишься... – улыбнулся папа, но улыбка исчезла. – Что-то ты мне совсем не нравишься, Тоня, бледная какая... – нахмурился он. – Иди пока приляг.

Я и пошла прилегла, только глаза закрыла и поняла, что меня кто-то будит. Кое-как сообразила, что это отец, правда перед этим опять долго перетрясать воспоминания пришлось.

– Тонь, вставай, поехали, в больницу тебя отвезу, я со знакомым договорился, твою голову посмотрят, – сказал он.

Пришлось вставать и плестись за отцом.

В больнице сдала целую кучу анализов. Кажется, всю кровь из вен выдавили, и из пальцев заодно, голову просканировали, даже в одно место залезли. Бр-р... мерзость.

– Результаты завтра, Юра, ты ее лучше здесь пока оставь, я понаблюдаю, – сказал врач, что-то строча в моей карте.

Я встрепенулась.

– У меня университет!

– Ничего страшного, справка будет, не переживай, студентка.

– Я лучше дома. Па-а-ап, – заканючила я. – Ну какая разница, где я буду спать?

Никогда в больнице не лежала, тем более одна. Организм крепкий был. Кстати. А ведь действительно никогда в больнице не лежала. В детстве если и простывала, то максимум два дня болела, и все.

– Ты лучше расскажи мне, как часто голова болит?

Доктор оказался дотошным мужиком. Сидит, каждое мое слово конспектирует.

– Не знаю, часто...

– Кружится? Черные точки перед глазами летают?

Вспомнила:

– Виски болят!

– Ясно, а спишь как?

Он обошел свой стол и, сев напротив меня на стул, взял мою руку – проверить пульс.

Может, все ему рассказать?

– Сны странные вижу, – неуверенно ответила я.

Доктор не удивился, продолжая смотреть на часы и считать пульс.

Я засмотрелась на него: как это он так и пульс считает, и со мной разговаривать умудряется? Может, и не слушает, что за бред я тут несу?

– Рассказывай.

– Что? – не поняла я.

– Что за странные сны видишь. Мне нужно точно знать, что с тобой происходит.

О, значит, все же слушает? Я засомневалась, что говорить. А если решит, что я с ума схожу? И меня в дурку упекут? В голову пришло воспоминание: мать с безумным взглядом, ничего не понимающая, худая, бледная... А у меня мороз по коже: как он мог, она ведь такой веселой была, живой, как он мог ее сюда отправить? Что они тут с людьми творят? Я ведь всего неделю не звонил...

– Ну так что? – вернул меня в реальность врач.

Я притихла, понимая, что опять увидела не свои воспоминания. И о таком уж точно нельзя говорить, все должно само пройти, наверняка я справлюсь, всегда справлялся, то есть справлялась... И когда дрался после уроков, страшно было, а ведь победил побил Лысого Степку, потом еще и друзья-

ми лучшими стали, теперь вон вместе студентов обучаем...
Черт, нужно не молчать.

– Не знаю, просто красочные, да и все, – выдавила из себя, стараясь прислушиваться к своему голосу, а не тому, что творится в голове.

– Эх, молодежь, – вздохнул мужчина. – Хилая совсем пошла, чуть что, сразу стресс.

Он встал и вновь вернулся на свое место за столом.

– Юр, ладно, так и быть, но ты следи за ней. Если обмороки будут, сразу скорую вызывай. Это дело такое: сейчас все нормально, а дома может и сознание потерять, а там все что угодно случится. И как приедете домой, сразу спать ее клади – может, и просто переутомление, у студентов такое бывает. Новая среда, новые впечатления, новая жизнь, ответственность больше.

Доктор подмигнул мне и подал ладонь отцу для рукопожатия.

– Я понял тебя, Андрюх, спасибо, друг, завтра после двух?

– Ага, если что, подождете здесь, я могу и на обходе быть. Все, бывайте.

Мы вышли с папой на улицу, и я уже спокойней вздохнула. Боже, как же понять, что мое, а что нет? Как отделить? И вообще, вдруг все мое? Вот люди с ума сходят, Наполеонами себя представляют. Вдруг я из-за удара себя вот этими людьми придумала? Эх, все не как у всех, неудачница, даже с ума сойти нормально не могу, как положено. Нет бы ка-

кой-нибудь известной личностью стать, а я каких-то самых обычных людей выбрала.

Единственная несостыковка – это Нинка. Почему я её увидела?

Но развить и додумать мне эту мысль не дали собственная усталость и обеспокоенные родственники.

Дома мама уже и брата всполошила. Меня тут же уложили в постель. А сами, как обычно, ушли на кухню и ругаться принялись между собой, Игорь больше всех разорался. У меня даже в голове зазвенело. Я скрипнула зубами от раздражения. Что он себе позволяет, вообще? Как с родителями разговаривает?

– Вы совсем с ума тут все походили? Куда вы ее отпустили? Совсем же еще шмакодявка! Это хорошо, хоть цела осталась! И то теперь уже непонятно, может, вообще дурой будет! Шизофрения какая-нибудь появится, головой-то нехило стукнулась, вчера сонная была и рассеянная какая-то, я даже не понял ничего, а тут оказывается...

Стало неприятно от его слов, я вся сжалась: он ведь прав, я и правда от удара шизофрению заработала, только пока ее скрываю. Да что он о себе возомнил? Кто он такой, вообще? Мальчишка! Наглый и злой. Уши бы ему надрать!

Я опять сникла: откуда такие мысли?

"От Валерия Александровича!" – откуда же еще?

Остановил ругань родственников между собой звонок в дверь.

– Тонь, там к тебе мальчик, темноволосый такой, – заглянула мама в комнату.

– Егор? Ой, мы же с ним на китайский должны были идти, я же забыла совсем!

Вскочив с постели, я начала собираться. Вот и шанс скорей уйти и эту ругань их не слушать. Игорь ведь сейчас заведется, не остановишь...

– Ты куда? С ума сошла? Тебе что врач сказал? Ты когда на китайский записаться успела? – округлились у мамы глаза.

– Да тут столько всего случилось, и я как-то забыла предупредить, – начала я ей объяснять. – Там если все пять лет ходить и экзамены сдавать, его в дипломе укажут.

– Да-а?.. – задумчиво протянула мама. – Ну тогда, конечно, ходи. Но не сегодня...

– Мам, да это же может быть просто переутомление, стресс, мне уже лучше, правда.

Я уже заторопилась, понимая, что Игорь там сейчас устроит допрос Егору.

На мое удивление, крови на стенах не было. Егор улыбался и вежливо что-то рассказывал отцу. Игорь стоял рядом и сверкал недовольным взглядом.

– Куда собралась! Тебе же вроде лежать сказали, болезная ты наша, – язвительность так и лезла из брата.

И вроде с улыбкой все, а в глазах раздражение и злость. Откуда все это? Словно... словно ревность? Я опешила от та-

кой мысли. Нет, просто волнуется, переживает, наверное... Взрослая личность Валерия Александровича только фыркнула в ответ. Значит, действительно ревность, братская? Ну и дела.

– Привет! – улыбнулась я Егору.

Странно, но сознание вдруг очистилось. Я поймала себя на мысли, что мне нравится его видеть.

– Дочь, ты уверена, что все хорошо? – Папа смотрел на меня с тревогой.

– Ну чего вы так переживаете, нормально все!

Я старалась одеваться быстрее.

– Не переживайте, если что-то будет не так, я сразу же отвезу ее домой, я на машине.

Я выпучила глаза на Егора. У него есть машина? Вот это да...

– А что за машина? – начал допрос Игорь.

– Так, всё, мы сейчас опоздаем, Егор, я готова. Всем пока!

Я вытолкала парня в дверь, даже сама от себя не ожидая такой решительности.

5 глава

Я сидела на лавочке и смотрела на серую хрущевку Лешки. Гипнотизировала третий подъезд.

Сама не знаю, зачем пришла?

Остановить? Предупредить? Увидеть? Просто поговорить?

Страшно до одури, жутко и непонятно. Уйти домой? Но меня что-то держало, я зачем-то здесь. Кому и что я объясню? Обозленному парню, мать которого глупая и слабая женщина? Возьмет и на меня нападет.

В сумке у меня лежало письмо. Вручу ему, пусть читает. А если он решит, что я полоумная? Но в письме я не указала никаких контактов, просто написала, и все. Да и какая разница, что он решит?

Но почему-то разница была, почему-то мне хотелось, чтобы он поверил и не делал глупостей. Сначала я решила, что делаю это для него, что его судьба для меня что-то значит. Но врать себе самой – это последнее дело. Я пришла сюда для себя. Самой себя. Чтобы понять, что я не сумасшедшая. Почему к Лешке? Да потому что он почти моего возраста. Пришла бы я к Валерию Александровичу, так он бы меня в дурку сразу сдал. К Нинке-продавщице? Эта даже разговаривать со мной не станет из-за одного моего внешнего вида. Остался только Лешка, он ближе всех ко мне хотя бы по воз-

расту. Я достала письмо, развернула и уже в который раз перечитала, хотя всё равно добавлять уже ничего не стала бы.

"Алексей, ты меня не знаешь. Понимаю, это очень глупо звучит, но я видела тебя во сне. Возможно, ты мне не поверишь и выкинешь это письмо, не дочитав. Если я ошиблась, это даже к лучшему. Но все же если то, что мне приснилось о тебе и твоей очень плохой задумке, которая может поломать твою жизнь, изменить тебя до неузнаваемости, сделать тебя преступником, правда, то я обязана поговорить с тобой.

Ты еще молод и все воспринимаешь не так, как следовало бы воспринимать. Твоя мать – взрослая женщина, она обязана сама разбираться со своими проблемами и уж никак тебя в них не впутывать. Не делай того, что ты задумал, любовник твоей матери не стоит этого. Думай прежде всего о себе. О своей жизни и об учебе. Я знаю, твой отец тебе предлагал переехать к нему – быть может, это здравая мысль. Твоя мать, возможно, поймет, что была не права, и возьмется за ум, если ты уедешь к отцу. Конечно, я понимаю, что ты не хотел бы ее бросать, но то, что она устраивает тебе и себе, – это неправильно. Ей плохо, и она делает плохо тебе. Подталкивает к необдуманным решениям.

Алексей, я, наверное, непонятно и слишком путано все это написала. И вообще надеюсь, что все это не относится к тебе и что мне приснился глупый сон. Но все же будь осторожнее, стоит перейти грань – и назад уже пути не будет.

С уважением, друг".

Я знала, что Лешка должен прийти сегодня в три часа. Странно, я никогда не была в этом районе, но когда доехала на маршрутке, то поняла, что знаю здесь все, словно жила. Увидела новостройки, которые появились несколько лет назад. Лешка бегал к забору и с друзьями подкармливал собак, их гоняли китайцы, один раз даже поймали и неслабо напододали. Вот тут маркет, открывшийся год назад, вместо него был старый магазин под названием "Универсам №6", название еще осталось с советских времен, о которых Лешка знал только от родителей и толком даже не задумывался, что они означают. Я тоже не задумывалась, но жизни Нинки и Валерия Александровича, особенно последнего, более четко рассказали мне об этом.

Лихие девяностые, когда растерянные обыватели не понимали, что происходит вокруг. А жить как-то нужно было, точнее, не жить, а выживать. Валерий, тогда еще молодой преподаватель в университете, тоже пытался выжить. Существовать на зарплату вузовского преподавателя было невозможно и одному, а у него семья: Андрюшка – сын маленький, потом еще и дочка Катя появилась, поэтому и приходилось выкручиваться. Благо с пришествием лихих времен появилась новая прослойка общества – "новые русские", желающие получать дипломы и высшее образование, но не желающие учиться, тогда это было модно – «жить на два процента» и иметь купленный диплом. С помощью подобных людей Валерий и его друг Степка Лысый, на тот момент Гор-

кин Степан Алексеевич, придумали очень простую комбинацию. Договориться с остальными учителями проблем не было. Кушать хотели все. Любой желающий поступает в университет на платной основе – конечно же, экзамены за него сдают преподаватели, отмечают его в ведомостях, пишут за него (на всякий случай) сочинения, отвечают на билеты. Затем человек якобы начинает учиться. Его отмечают в ведомостях, сдают зачеты, опять же экзамены. Конечно же, каждый зачет и экзамен стоит определенную сумму денег. Валера и Степка брали свой процент. Все были счастливы. Студент "учится" пять или шесть лет, ни разу не появившись в университете, но всем хвастается о том, что он именно там учится. По окончании "студент" получает свой диплом. Учителя получают свои дивиденды за то, что позволяют учиться такому студенту. Валерий и Степан остаются при своих процентах. Кроме того, были еще и просто нерадивые студенты – конечно, с такими было очень опасно связываться, но Валера и Степка прорывались, как могли. За те годы обрастали нужными связями. И теперь они уже не простые преподаватели, а деканы факультетов заочных отделений. Жизнь – сложная штука.

Что-то я отвлеклась. И увидела уже приближающегося Лешку.

Лешка, как и Нинка, существовал, значит, мой сон хотя бы наполовину правда? Или все же парень – плод моего воображения? Большой фантазии?

Он медленно шел домой, бледный и уставший, ощущение, что не парень молодой идет, а старик. Его мать высосала из него всю энергию, словно вампир, она может его погубить, уже почти погубила.

Я замерла, в любом случае могла бы его догнать, просто было страшно подойти.

Отдам письмо и убегу.

Черт!

Ну какое мне вообще до него дело? Кто он для меня? Зачем? Столько вопросов в голове. Чего ждать? Ну же, смелее, Тоня. Вечно ты всего боишься. В конце концов, может, он посмеется и выбросит его? Правда, то, что я видела в сегодняшнем сне, мне кажется не смешным.

Я, то есть Лешка полночи наблюдал за Зиновьевым Андреем Викторовичем – любовником его матери. Бывшим любовником. Который сделал грубую ошибку при заключении контракта с поставщиками и ответственность списал на свою помощницу, мать Алексея. И ту с позором выгнали с работы, так как сорвалась серьезная сделка. Зиновьев не спешил приезжать домой, поэтому Лешке пришлось ждать его во дворе. Но тот так и не появился, и хорошо, что не появился. Лешка промерз, устал и в итоге ушел пешком домой, сжимая сапожное шило у себя в кармане. Чуть не нарвался на полицейских, но успел спрятаться.

Лешка уже до подъезда дошел, а потом в мою сторону направился, на меня не смотрит. Наверное, просто к скамейке

идет? Я сижу. Бледнею, руки холодеют, трясусь. Лешка вдруг остановился и, словно очнувшись от своих глубоких дум, с удивлением на меня посмотрел. Будто не ожидал, что в этом мире и другие люди есть. Я зачем-то улыбнулась. Дура? Точно дура... Вот и смотрит Лешка на меня как на полоумную. Постоял немного, а затем несмело рядом сел. Сидим, молчим. Он зачем-то на меня поглядывает. В глазах скользит удивление и... узнавание?

– Это тебе.

Сунула я ему в руки конверт и, вскочив со скамейки, быстрым шагом пошла в сторону остановки.

Парень, видимо, опомнился, и я услышала его быстрые шаги. Черт, что делать? Бежать от него? Пока раздумывала, он уже догнал и схватил меня за руку.

– Ты кто? – спросил он.

– Я никто.

Попыталась забрать руку. Но хватка у Лешки железная. Он на самом деле для своего возраста довольно взросло выглядит, на вид можно смело больше двадцати дать. Выше меня ростом, да и сам по себе здоровенный. Весь в отца. Тот тоже бугай большой. Шкаф – два метра ростом. Тренер по самбо, своя собственная школа единоборств. Лешка, скорее всего, таким же будет. Он тоже самбо с детства занимается.

– Зачем ты мне это вручила? Что тут? – с раздражением ткнул он моим конвертом мне же в нос.

Вот же ж! Зря все это! Зачем, спрашивается, пришла?

– Можешь выбросить... – бросила раздраженно.

Рассказывать совершенно не хочется. Стыдно и... стыдно, в общем. Я отвела взгляд в сторону.

– Идем присядем. И ты объяснишь мне. – Он потащил меня обратно к лавке.

– Нечего объяснять, там все написано.

Ну ё-мое, он что, мне допрос решил устроить?

– А это уже мне решать, – сказал как отрезал парень.

Крепко держа за руку, он подвел меня к скамейке и усадил на нее.

Открыл конверт, вынул письмо и начал читать. Я решила бежать. Но не тут-то было, ну и реакция у него! Только вскочила, он уже поймал и опять на скамейку усадил.

– Слушай, я пока не разберусь, что тебе нужно, никуда не уйдешь, поняла?

Я притихла. Все же голос у него командный.

Он прочитал письмо и сжал его в руках. А мне как-то жутко стало. Я вдруг осознала, что попала со своим глупым желанием помочь. Он же сейчас на меня бросится.

Но он вдруг за руку меня схватил и резко поднялся с лавки.

– Идем.

– Куда? – пискнула я.

А Лешка уже меня к подъезду к своему потащил.

– Дома поговорим.

У меня началась паника, но кричать было стыдно. Я про-

сто тихо упиралась, пыталась кусаться, но вместо того, чтобы отпустить, Лешка просто наклонился и подхватил меня под коленки, а я оказалась у него на плече, в жутко неудобной позе, попой кверху! Хорошо хоть, в брюках сегодня была.

Мы добрались до третьего этажа, он наконец-то меня поставил на ноги и открыл дверь ключом. Даже не дал мне снять верхнюю одежду, за руку завел в комнату и закрыл дверь на защелку.

Я стояла в его комнате, оглядываясь по сторонам, вся взъерошенная, красная как рак. Ощущение было такое, словно я вернулась домой. Осталось только мамины пьяные вопли услышать, и услышала.

– Сыно... ик! Ты хде... ик!

Лешка вдруг как-то растерял весь свой боевой настрой. Побледнел, затем покраснел. Ему стало нестерпимо стыдно. Я его понимала, я чувствовала его стыд. Поэтому решила не заострять на этом внимания. Сняла пальто с береткой и шарфиком и, взяв их в руки, села на кресло возле компьютера.

– Ты хотел поговорить, – несмело начала я.

Он начал раздеваться сам – снимать верхнюю одежду, медленно, слушая вопли матери. Я видела, как сжимаются его кулаки до белых костяшек. А мать все никак не успокаивалась. Начала даже в дверь долбиться. И всхлипывать.

– Тебе нужно выйти, только так она успокоится, ты же знаешь, – пришлось говорить тише, не хотелось бы еще и в свой адрес что-нибудь от пьяной женщины услышать, с нее ста-

нется гадость какую-нибудь сказать.

Лешка одарил меня таким гневным взглядом, что я невольно сжалась. Черт, лучше заткнуться. Иначе он меня тут сейчас прибьет.

Парень все же вышел, я слышала, как мать продолжала что-то причитать, возмущаться, а потом услышала ее визг. Господи! Он что, ее там убивает? Вскочила и выбежала из комнаты, пальто не глядя кинула на кровать. Мать кричала из ванной. Лешка поливал ее холодным душем прямо в одежде и не давал ей выбраться. Она визжала, кричала и материлась. Я понятия не имела, что мне делать. Но нужно было вмешиваться, так нельзя, она все же его мать, да и живой человек, это же унижительно, в конце концов!

– Алексей! Прекрати! – закричала я что есть силы.

Он действительно прекратил, даже не смотря на меня, выключил душ и, опять схватив меня за руку, обратно увел в комнату. Но, кажется, все-таки на мать это подействовало. Даже удивительно, но она притихла. Зато теперь Лешка весь свой гнев решил обрушить на меня. Швырнул меня на кресло и навис надо мной.

– Говори! Что все это значит! – заорал прямо в лицо.

Я хотела отодвинуться, перебирая ногами, кресло ведь на колесиках, но он не дал мне это сделать, вцепился руками в подлокотники кресла.

– Я просто письмо... передать... – Блин, какой он страшный в гневе!

– Врешь! Тебя он послал, да? Думает, откупится? Кто ты ему? Ну, говори!

Он так приблизился ко мне, что я вся вжалась в спинку кресла и, зажмурившись, все же выпалила:

– Мне сон приснился.

– Какой, к черту, сон?! – закричал прямо в лицо.

Я вся слилась со спинкой кресла, вцепившись в подлокотники, даже в пальцах заломило.

– Ну!

И я решила. Держать все это в себе не было уже сил. Продолжая жмуриться, начала говорить:

– Я не вру. Я правда сон увидела, четыре дня назад, тебя и... всю твою жизнь. Черт, ты еще эту дурацкую порнушку смотрел, с блондинкой и пятью мужиками. И мать тебе скандал очередной устроила. Посуду на кухне мыл и сам над собой удивлялся, что убираешься, еще удивился, что мать что-то сварила. Я все-все о тебе узнала. Как ты какой-то девчонке комплименты про кофточку писал в соцсети, чтобы она тебе списать дала. Я даже знаю, что ты постоянно о новой учительнице истории думаешь, у тебя на нее стоит. Оксана Игоревна. Молодая совсем. И еще знаю, что ты не дал Вадьку избить, когда его местные караулили, шуганул их. Ты хороший парень, я же знаю, слабых не обижаешь, хоть и грозным выглядишь...

Я еще что-то рассказывала о его жизни – про всякие школьные его проблемы, в чем он плохо разбирается, чего

откровенно вообще не понимает, до садика дошла, про то, как он пенку из молока обожал есть, как все дети ему ее отдавали, пока нянечка не смотрит, все терпеть не могли, а он любил.

А потом притихла.

В комнате стояла гробовая тишина. Я решилась приоткрыть один глаз. Лешки рядом не было, открыла второй. Оказывается, кресло повернулось, и я сидела к компьютеру лицом, а к кровати спиной. Медленно повернулась к кровати и увидела Лешку, удивленно разглядывающего меня, как непонятное существо. Кажется, у него был шок. Глаза выпучены, рот приоткрыт.

– Ты что, ясновидящая?

– Я же говорю, сон приснился, – проблеяла я.

– Покажи мне, где лежит файл под названием "Rabbit", и открой его.

Я быстро зашла в нужную папку под названием XXXL и открыла файл, внося пароль. Пароль был довольно сложный. Лешка всерьез увлеклся сериалом «Лост». И взял оттуда цифры для отключения кнопки.

– Охуеть! Это просто... как такое возможно?

Я поморщилась: если честно, терпеть не могу, когда кто-то так некрасиво ругается.

– Я не знаю, я же говорю, мне сон приснился.

– И часто у тебя сны обо мне?

– Два раза были, четыре дня назад и сегодняшней ночью,

когда ты караулил Зиновьева.

– Но как такое возможно? Ты ведь знаешь о таких вещах, которые никто не знает, кроме меня!

Я устало потерла виски. Странно, вот я рассказала ему, и что? Легче стало? Может, он мне снится перестанет? Понятия не имею, зачем я пришла? Парень еще долго был в ступоре, ходил по комнате. Смотрел на меня испуганно, удивленно, ошеломленно.

– А я ведь словно чувствовал тебя, – наконец прекратил он мельтешить и сел на кровать.

– И там, на лавке, мне показалось, что я тебя словно знаю всю свою жизнь. Это так странно. А ты давно такие сны видишь?

– Нет, я же говорю, четыре дня назад увидела. Я головой ударилась, и ночью ты мне приснился, вернее, я словно тобой была. Словно я – это ты, а ты – это я. Блин... Даже не знаю, как объяснить.

– Я понял. Не мучайся.

Я знаю, что он по возрасту молодой совсем, но он сейчас на меня смотрел взглядом мудрого взрослого мужчины. Он вдруг встал и, взяв со стола ручку с листком, что-то там написал. Протянул мне. Там был номер телефона.

– Вот мой номер, спасибо, что пришла, я не знаю, ты появилась – и мне как-то легче, что ли, стало... – Он взъерошил другой рукой свои волосы. – Если будут проблемы, ты звони, я твой должник.

– В чем должник, ты о чем?

– Просто... – Он покачал головой и махнул рукой. – Да не знаю! Сложно объяснить. Прости, что напугал и накричал, я бы ничего тебе не сделал.

По идее, нужно было уходить, но уходить как-то не хотелось. Тем более что Лешка начал задавать разные вопросы по своей жизни, а я все отвечала и отвечала на них. Незаметно я даже домашнее задание помогла ему сделать. Дала свой ящик почтовый и в соцсети с ним подружилась. Я знала все, что знал он. И мы говорили. Обсуждали игры, в которые он любил играть. Сетевые, про зомби и "выживалки". Так ярко спорили о чем-то и даже смеялись.

Лешка умудрился уговорить меня пообедать. Сбегал на кухню и сварил пельменей. Мать заперлась в комнате и не выходила. Мы на кухне поели пельмени, беззаботно хохотали и травили какие-то глупые анекдоты.

И я не заметила, что уже десять вечера. Алексей вызвался проводить меня до остановки, хотел до дома, но я отказалась. Троллейбусы еще ходили, так что можно было доехать. Тем более, как оказалось, зря я на двух маршрутках тряслась, можно было просто троллейбусом по прямой доехать, и так даже быстрее оказалось. Мать Алексея все же высунулась.

– До свидания, – несмело почти прошептала я.

– До свидания, – таким же тихим голосом ответила мне она.

Я обратила внимание на то, что она переоделась в спор-

тивный костюм.

Если честно, боялась, что мать Алексея очередной концерт закатит. Впрочем, не одна я боялась, Алексей тоже был настороже и кидал на мать предупреждающие взгляды. Зря он, конечно, с ней так, но, с другой стороны, на нее ведь это подействовало. Может, действительно у них все изменится?

– Спасибо, что приехала, Тонь, – на прощание сказал мне Алексей, когда я уже забегала на подножку "рогатого".

К дому я подходила уже в одиннадцать.

– Ну и где ты шлялась?! – от громкого злого раздраженного голоса в ночи я шарахнулась и чуть во входную дверь не впечаталась со всего размаху.

Это был Егор. А я вспомнила, что телефон забыла дома, просто волновалась очень сильно, когда поехала... Мне от страха даже показалось, что глаза у Егора сверкнули в темноте.

6 глава

Леночка

Сегодня мы с мамой учили буквы и цифры. Это очень сложно. Но я запоминала. Ведь мама достала очень красивую книжку, а там картинки.

– А-арбуз, – говорит мама.

Я рассматриваю полосатый зеленый шар.

– Это ягода, большая, сочная, внутри красная и очень вкусная.

– Как малина?

– Нет, вкус другой.

– А можно попробовать? – спрашиваю маму.

– Я не знаю, – она отворачивается, глаза грустные, – у папы спрошу, – говорит тихо.

И мы продолжаем.

– Тебе нужно знать все буквы из алфавита, их тридцать три, и считать до ста. Если я не ошибаюсь, наверное, и таблицу умножения тоже знать, через год тебе уже в школу.

– Как это "в школу"? – Смотрю на маму.

– В школе учатся различным наукам, там много детей.

– Много детей? Как на улице? – Я готова подпрыгнуть и захлопать в ладоши, но помню, что так делать нельзя, папа будет ругаться.

– Да, как на улице, и даже больше. – Мама улыбается.

– И мне можно будет с ними поговорить? – я произношу это тихо, шепотом, хоть и знаю, что папы дома нет, но вдруг он услышит, он всегда все слышит.

– Конечно, милая, ты обязательно пойдешь в школу и будешь учиться.

Мама обнимает меня и гладит по голове. Я люблю, когда она меня обнимает, мне становится спокойней. Когда папа дома, меня обнимать нельзя. Папа говорит, что так я буду избалованная. И я стараюсь папу не расстраивать.

Мама дает мне разноцветные карандашики. Я радуюсь и тут же пытаюсь выхватить их из маминых рук, я давно не рисовала, а так люблю это делать. Папа говорит, что нельзя рисовать слишком часто, что я буду баловаться, но я ничего не могу с собой поделывать, это же так интересно. Вот только мама тогда плакала, когда я нарисовала нас всех на листочке. Я хотела папе показать, но мама не разрешила, сказала, что папа не любит рисунки.

– Леночка, ими нужно пользоваться аккуратно. У нас больше не будет, ты же знаешь?

– Да, мам, я аккуратно.

Осторожно достаю из коробочки новые карандаши.

– Нарисуем арбуз?

Я киваю, уже достаю зеленый и салатový. Цвета я выучила уже давно. Мама книжку приносила, там много красочных картинок. Вывожу круг, получается неровный, хочу взять другой листик.

– Ничего страшного, давай мы его немного подкруглим?

Мама помогает мне сделать арбуз круглым. У нее получается лучше, красивее.

Я уже беру салатовый, чтобы нарисовать полоски арбузу, как слышу, как в двери поворачивается ключ. Мы с мамой вздрагиваем. Мама забирает карандашики, складывает их в коробочку. А я прячу Лялю, папа не должен знать, что она у меня есть. Ляля мой друг, а друзей не предают. Я сижу тихо-тихо, пока мама в коридоре встречает папу. Папа заходит в комнату. Он большой и страшный.

– Елена. Как прошел день?

– Хорошо, – отвечаю папе.

– Что делали с мамой?

– Буквы учили и цифры.

Я не говорю о карандашиках. Знаю, что папа будет зол, а мама будет плакать, папа маме будет делать больно.

Папа гладит меня по голове, рассматривает комнату. Мы с мамой убрались, папа не будет злиться. Мне страшно. Мама на кухне готовит папе ужин. Папа подходит к комоду и проводит по нему пальцем. На пальце пыль.

Я вскакиваю и бегу в ванную за тряпкой. Прибегаю, начинаю вытирать. Папа смотрит внимательно, кажется, он доволен.

– Молодец, Елена. Только пыль нужно было вытирать не при мне, а днем. Иди вставай в угол.

Я стараюсь не плакать, но мне все равно обидно. В углу

стоять грустно и долго и спать все время хочется, а садиться нельзя. Не сдерживаюсь и швыркаю носом. Замираю, оборачиваюсь и радуюсь: папа не слышал, он уже на кухню ушел к маме. Уношу тряпку в ванную и иду в комнату, встаю в угол. Думаю о Ляле, ночью возьму ее к себе спать. Она со мной хорошо спит. А если ей мысленно что-нибудь сказать? Мама говорила, что можно придумывать и говорить с Лялей мысленно, она как будто услышит понарошку и понарошку мысленно ответит.

"Ляля, ты слышишь?"

"Слышу".

Это я понарошку вместо Ляли отвечаю.

– А-а-а! – мама кричит, и я зажмуриваюсь.

Слышу грохот на кухне.

– Я что, непонятно объяснял? Что, так сложно за чистотой следить? Ты понимаешь, сколько опасных бактерий в пыли? Хочешь и себя, и ребенка угробить.

– Андрюш, мы вытирали пыль утром, она просто за день накопилась, не злись, пожалуйста.

Мама плачет.

– Ты безответственная тупая тварь! Какой пример ты подаешь Елене?

Мама плачет, маме больно, я закрываю уши руками, мне страшно, это я виновата, нужно было вытереть пыль. Уже и с Лялей говорить не хочется.

Мама совсем громко кричит, и грохот стоит на кухне, и

папа кричит, ругается на нее, а маме больно, она очень громко плачет. Папа обижает маму, все из-за меня. Я уже не сдерживаюсь и тоже плачу, нужно сказать папе, что мама не виновата, это я забыла про пыль. Но нельзя выходить из угла, папа будет злиться на меня. Ведь я наказана. В голове больно, что-то шумит, и все темнее и темнее становится, а я падаю куда-то...

Тоня

Я проснулась в слезах и страхе. Долго пыталась прийти в себя, ожидала злого отца, прислушивалась к звукам за стенкой: плачет ли мама? Все ли с ней хорошо? Обижает ли ее папа? Разговаривала с Лялей. Потом опять уснула.

В универ идти совершенно не хотелось. Вяло ела яичницу, но за мной приехал Егор. Пришлось собираться и ехать. Егор всю дорогу молчал и искоса поглядывал на меня. А я думала о малышке и ее тиране отце. Как помочь девочке? И получится ли у меня это сделать? Копалась в ее памяти, видела одни сплошные страхи. Девочка жила в ужасных условиях. Не ходила в садик. Из игрушек была одна Ляля, и все. Я не представляю. У меня же ворох игрушек всегда был. Какие-то куклы, медведи, мелочовка всякая, а у малышки одна Ляля. И рисовать ей можно, только когда долбанутого папаши нет дома, и ни в коем случае ему об этом не говорить. А еще вечно с синяками, зашуганная мать. Но ее малышка очень любит и жалеет. Она все время хочет ее защитить от злого отца, но боится его и из-за этого еще сильнее страдает.

Егор всю дорогу молчал. А когда я хотела уже выйти из машины и идти на занятия, вдруг остановил меня, придерживав за руку.

– Ты не злишься на меня? – Я заметила в его глазах неуверенность.

С минуту пыталась понять, о чем он вообще говорит, потом вспомнила. Вспомнила, как распсиховалась возле подъезда, как кричала, что не собираюсь перед ним отчитываться. С него сразу же вся его бравада ревнивого поклонника слетела, а я все распалялась и распалялась. Высказала ему, что он не имеет права тут на меня кричать, в итоге он притянул меня к себе и поцеловал. По-настоящему, с языком. Так как я от его наглости рот приоткрыла. Это был мой первый настоящий поцелуй. А потом он просто сбежал. У меня сразу вся злость куда-то подевалась, и я домой ушла. Дома, правда, еще от родителей нагоняя получила, что телефон забыла. А в нем и от Игоря пропущенные были, ему-то чего надо? В общем, папа сказал, что по анализам ничего особенного не выяснили. Так, только повышенный гормональный фон, но в моем возрасте это нормально.

– Не злюсь, – улыбнулась я этому ревнивцу.

На самом деле приятно, что я ему небезразлична, но неприятно, что он на меня кричал тогда. Все же, по сравнению со всеми Нинкиными ухажерами, Егор был словно небо и земля. Конечно же, Егор – небо. Хотя, если судить по ухаживаниям и ласкам Валерия, тут Егор – грубый мужлан. Ва-

лерий Александрович своих любимых боготворит, даже жёну свою, которую терпеть не может, и то старается уважать.

На лекциях рефлексировать было некогда.

На большой перемене к нам с Егором подошли наши "хорошие мальчики" – "принц" и его "шестерки". Честное слово, не было желания узнавать их имена. Мы, к слову сказать, с Егором теперь всегда вместе, я уже сама за ним по привычке хожу, даже если он курить идет.

Стою, вдыхаю противный едкий запах дыма, размышляю о насущном: как спасти ребенка?

Так вот, Егор курит и как бы не специально или нечаянно меня при этом за талию приобнимает. Я стараюсь не замечать, тем более приятно... Мне вообще сегодня хочется как можно больше нежностей, после сна о Леночке у меня появилось патологическое желание к "обнимашкам" и сюсюканьям. Утром маму тискала, долго на работу не отпускала, теперь вот к Егору жмусь. Он глаза прищурил, улыбается, как кот, объевшийся сливок. Как бы не загордился. Ладно, завтра постараюсь себя взять в руки и не виснуть на парне, а то еще придумает себе черт-те что. Так вот, о "принце" с "шестерками".

– Закурить не найдется? – вальяжно располагается "белобрысик" возле нас с Егором, притулившись у деревца.

Мы с ним вообще довольно далеко ушли, все студенты возле ворот стоят, а мы с Егором в парк отправились, в самую чащобу. Время еще есть. Есть не хочется. Вот и стоим,

природу созерцаем, каждый о своем думаем. Я о Леночке, Егор о сигарете, наверное.

Егор достает пачку с сигаретами, "принц" нагло ополовинивает ее.

Раздает пятерым "шестеркам". Что странно, те ехидно улыбаются, посматривая на меня. Вся эта ситуация начинает меня, мягко говоря, тревожить и раздражать, ощущаю какую-то неясную тревогу. Что-то не так, что-то сейчас будет такое, отчего мне, видимо, должно будет стать больно и неприятно.

Я стараюсь себя настроить на плохое. У меня всегда так, если чувствуешь, что скоро будет плохо, настраивай себя, и тогда боль будет не такой сильной. Но, с другой стороны, как настроить? Вычислить причину и следствие? Нужна информация, а у меня, как назло, виски сдавило и ком в горле образовался, коленки потряхивает. Несколько личностей во мне сталкиваются, точнее, их характеры, воспоминания и жизненный опыт, и пока побеждает только Леночка. Возможно, из-за того, что её эмоции слишком свежие для меня.

Лешка давно бы уже драться начал, Валерий Александрович – зубы заговаривать, Нинка – оправдываться (она та еще трусиха). А Леночка – только плакать и от ужаса терять сознание.

Народ курит, все таинственно молчат, "принц" искоса поглядывает на меня и ухмыляется. Мне в голову начинают приходиться жуткие картины: они собрались меня здесь из-

насиловать? А Егор специально меня сюда завел, подальше вглубь? Почему-то спину зажгло, неприятно закололо, рука Егора на моей талии стала невыносимо тяжелой и мерзкой. Я бы дернулась и вырвалась, но адреналин уже начал делать свое черное дело. Сковал весь мой организм, ослабил руки и ноги. Сердце гулко забилося.

"Прынц" вдруг достает из кармана портмоне и роется в нем. Рука Егора становится еще тяжелее, он сильнее притискивает меня к себе. А я в ауте, ни черта не соображаю. Напридумывала черт знает что, теперь трясусь, скоро уже черные точки под глазами появятся. Вот и тошнить уже начинается. Если бы не подпорка в виде Егора, наверное, свалилась бы на землю. "Прынц" отсчитывает три тысячи, вытаскивает их и с очень мерзкой ухмылкой на губах протягивает деньги.

– Ты выиграл, поздравляю. Она действительно стоит в твоих объятиях уже больше пятнадцати минут.

А я вдруг резко выдохнула. Они не собираются меня насиловать или убивать? Я уйду невредимой? Господи, это ли не счастье?

Егор стоит, не двигается и не говорит ни слова.

"Прынц" продолжает улыбаться, сам уже лезет рукой к Егору и засовывает деньги в его карман, еще и хлопает по нему нарочито медленно. А вид победителя.

– Спор есть спор, я всегда плачу по счетам, – говорит парень.

Я все еще жду от Егора каких-нибудь действий, но он

словно истукан завис.

– Ну ладно, голубки, не буду вам мешать. Нам пора.

И предводитель гиен разворачивает свою стаю, и они медленно удаляются из леса. Некоторые еще оглядываются на нас. Видимо, ожидают скандала. Но мы молчим, оба. А чего мне говорить? На меня поспорили, Егор выиграл. Интересно, это плохо, когда на кого-то спорят? Егор вроде никуда не спешит уходить. Три тысячи заработал, мог бы уйти, но он стоит, продолжает меня в себя вдавливать, еще и волосы мои нюхает. Полагаю, они провоняли дымом.

– Егор.

– Да, – его голос тих.

– Пообещай мне одну вещь.

– Все что угодно. – Он ждет приговора.

– Брось курить, – улыбаюсь я.

– Что? – хрипло спрашивает.

Поворачиваюсь в кольцо его рук, целую в подбородок, так как выше не достаю, и, улыбаясь, громко повторяю:

– Курить, говорю, бросай! Иначе больше не получишь от меня поцелуев. Конечно, если они тебе нужны.

Он порывисто меня притягивает к себе и целует в уголки губ, в щеки, глаза, лоб. Я зажмуриваюсь. А он, видимо, решил меня зацеловать сегодня до смерти, вот уже до шеи дошел и пытается расстегнуть мне пальто. Так, нужно останавливать его, не то рискую потерять свою невинность прямо под этой разлапистой сосной.

В универе гиены смотрели на нас раздраженно, "прынци" делал вид, что ему все равно, но, похоже, злобу затаил.

– Егор, будь осторожен, кажется, они что-то затевают, – прошептала я ему на лекции.

– Не переживай, это мое дело, ничего они мне не сделают.

Я замолчала, надеюсь, парень прав.

– Приглашаю тебя в пиццерию, – лукаво улыбнулась я Егору после лекций и не без ехидства добавила: – Деньги у тебя все равно есть.

– Я согласен. – Он поцеловал меня в нос, а мне стало безумно приятно, и я зажмурилась от удовольствия.

Чувствую себя странно. Быть может, неделю назад я бы разозлилась, расстроилась, плакала и жалела себя, а с Егором рассталась раз и навсегда. Но, учитывая мой опыт прожитых чужих жизней, я почему-то не считаю его поступок ужасным. Скорее детским и глупым. К тому же он не спешил меня оставить одну, а значит, я ему всё равно понравилась. Однако нужно все же кое о чем его предупредить. Потому что иначе нельзя.

– Егор, пообещай, что больше ты так не поступишь.

– Клянусь, это была ошибка, я идиот, – прошептал он мне на ухо, пощекотав своим дыханием.

– Я вам не помешал?

Я вжала голову в плечи. Экономик стоял рядом с нашей партией, а мы обнимались и шептались. Представляю, как неоднозначно все это выглядело со стороны.

– Нет, нет, Петр Евгеньевич, можете продолжать, вы нам совершенно не мешаете, – бодрым голосом заказал Егор, а в его глазах промелькнули веселые искры.

Я выпучила глаза и пихнула его под бок.

– Что ж, Фомин, вы сегодня разговорчивы, надеюсь, что на экзамене вы так же будете блистать своей эрудицией.

Слава богам, Егору хватило разума промолчать. Экономик вернулся к лекции.

У нас с Егором идиллия, а я все еще не знаю, как помочь ребенку.

– Вечером китайский, не забудь.

Мы подъехали к моему дому.

– Забудешь тут, – бурчу я.

Егор напоминает мне об этом уже раз пятый за день.

– Выучила элементарные черты и основные правила каллиграфии?

– Куда я денусь, конечно, выучила.

– Рассказывай! – И вид такой серьезный, словно преподаватель передо мной.

Я вначале попыталась вспомнить правила, "сверху вниз", "слева направо", а потом вдруг увидела дергающиеся уголки губ у моего парня. Задумалась: «Моего»?

– Что? – У меня вытянулось лицо.

Егор рассмеялся. Я демонстративно фыркнула, получилось, будто хрюкнула, не удержалась и засмеялась уже сама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.